

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение  
высшего образования  
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»  
Институт филологии и языковой коммуникации

Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации

45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой РЯЛиРК

\_\_\_\_\_ И.В. Евсева

« \_\_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 2018 г.

**БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА**  
**ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ОЦЕНКИ В ДИСКУРСЕ**  
**С.А. АЛЕСИЕВИЧ**

Выпускник

И.В. Побережных

Научный руководитель

д-р филол. наук,  
проф. О.В. Фельде

Нормоконтролер

А.А. Чуруксаева

Красноярск 2018

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>ВВЕДЕНИЕ.....</b>	<b>3</b>
<b>ГЛАВА 1. КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ.....</b>	<b>6</b>
1.1. Исследования оценки в философии, психологии, социологии .....	6
1.2. Лингвистическая теория оценки.....	16
1.3. Категория оценки и смежные понятия: оценочность, эмоциональность, экспрессивность .....	24
<b>ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....</b>	<b>28</b>
<b>ГЛАВА 2. ДИСКУРС С. А. АЛЕКСИЕВИЧ КАК МАТЕРИАЛ ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА .....</b>	<b>29</b>
2.1. Индивидуальный дискурс и идиостиль .....	29
2.2. Творчество С. А. Алексиевич в контексте эпохи .....	33
3.3. Цикл «Голоса Утопии» в аксиологическом аспекте .....	37
<b>ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....</b>	<b>41</b>
<b>ГЛАВА 3. ЭКПЛИКАЦИЯ ОЦЕНКИ В ДИСКУРСЕ С. А. АЛЕКСИЕВИЧ .....</b>	<b>42</b>
3.1. Классификации оценочных средств языка.....	42
3.2. Лексические средства выражения оценки в дискурсе С. А. Алексиевич	47
3.3. Синтаксические средства выражения оценки в дискурсе С. А. Алексиевич.....	57
3.4. Речевые тактики экспликации оценки в дискурсе С. А. Алексиевич.....	60
<b>ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3.....</b>	<b>68</b>
<b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....</b>	<b>69</b>
<b>СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....</b>	<b>72</b>

## ВВЕДЕНИЕ

Работа выполнена на стыке лингвистической аксиологии и коммуникативной стилистики.

Творчество белорусского прозаика С.А. Алексиевич проходит по тонкой грани между журналистикой и художественной прозой. Писатель является создателем «уникального документально-художественного метода, основанного на творчески сконцентрированных беседах с реальными людьми» [Крылов, 2014: 250]. Жанр, в котором работает писатель, она определяет как «жанр человеческих голосов». В книгах С. А. Алексиевич наряду с авторским словом (сосредоточенным как в предисловиях и послесловиях, так и в ремарках, названиях глав и т. д.) используются тексты документов – записанных интервью, выдержек из газет. По мнению специалистов, это делается для достижения сверхзадачи писателя XX века – «сказать всю правду о реальности» [Местергази, 2003]. Это же обстоятельство делает современные тексты С.А. информативным лингвистическим, историческим, литературным источником, который нуждается в тщательном исследовании; позволяет раскрыть сложное и противоречивое творчество автора.

Актуальность исследования обусловлена: а) обращенностью работы к фундаментальной проблеме соотношения и взаимодействия языка и оценки, языка и эмоции; б) важностью изучения оценочных средств русского языка и видов оценки в индивидуальном дискурсе личности; в) необходимостью объективного описания ценностной картины мира писателя, творчество которого вызывает споры, дискуссии.

Цель работы: выявить виды оценки и средства ее выражения в индивидуальном дискурсе С. А. Алексиевич. Для достижения поставленной цели требуется выполнить следующие задачи:

1. Представить критический обзор работ по теории оценочности.

2. Охарактеризовать категорию оценочности, рассмотреть вопросы соотношения оценки и эмоции.

3. Рассмотреть творчество С.А. Алексиевич в контексте эпохи

4. Выявить и описать виды оценки в дискурсе С.А. Алексиевич.

5. Рассмотреть языковые, стилистические и лингвопрагматические способы экспликации оценки в дискурсе С.А. Алексиевич.

Объект исследования – языковые и текстовые оценочные средства. Предмет – способы и виды экспликации оценки. Материалом исследования послужили книги авторского цикла «Голоса утопии» («У войны не женское лицо» (опубликована в 1985 году), «Последние свидетели» (1985), «Цинковые мальчики» (1989), «Чернобыльская молитва» (1997) и «Время секунд хэнд» (2013)), а также нобелевская лекция и фрагменты интервью.

Научная новизна исследования определяется тем, что творчество выбранного автора впервые вовлекается в лингвистический оборот и впервые рассматривается в лингвоаксиологическом аспекте.

Теоретико-методологической базой исследования стали труды таких учёных, как Н.А. Лукьянова Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Н.Ф. Алефиренко, Е.С. Кубрякова, Т.В. Маркелова.

Методы, использованные в работе:

В работе реализуются антропоцентрический, деятельностный, дискурсивный и системный принципы научного исследования.

На этапе сбора материала использован метод выборочной расписки, на исследовательском этапе – нормативно-стилистический, интерпретационный и метод лингвистического описания.

Апробация исследования. Основные результаты работы были представлены на научных конференциях: «МНСК-2016», «МНСК-2017», НГУ, Новосибирск; «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» 2016, 2017, 2018, СФУ, Красноярск.

Структура выпускной квалификационной работы включает в себя введение, три главы, заключение и список использованной литературы. Во

введении обоснована актуальность данного исследования; приведены его цель и задачи; обозначены объект и предмет; представлен материал исследования и теоретическая база.

В первой главе освещаются основные теоретические вопросы исследования, рассматриваются подходы к изучению феноменов ценностей и оценки в различных дисциплинах, а также выражения оценки в языке, приводятся определения ключевых для исследования понятий.

Во второй главе представлены теоретические основы исследования индивидуального дискурса, раскрыта специфика выбранных в качестве материала текстов, представлен краткий обзор тематики произведений и особенностей творческого метода С. Алексиевич.

Третья глава посвящена выявлению и анализу средств экспликации отрицательных и положительных оценок в дискурсе С. Алексиевич на разных языковых уровнях.

В заключении представлены итоги работы, сделаны выводы по результатам исследования с учётом поставленной цели.

# ГЛАВА 1. КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

## 1.1. Исследования оценки в философии, психологии, социологии

Феномен оценки исследуется во многих областях гуманитарного знания, что обусловлено сложной взаимосвязью этого феномена со всеми сферами деятельности человека. Ценностные отношения проникают в каждый аспект человеческой жизни. Этим объясняется разноречивость теоретического осмысления теории оценки: оценка как предмет исследования проникает практически во все антропоцентрические науки, которые воспринимают её в различных интерпретациях, исследуют с различных позиций.

Философия – не научная дисциплина, но учение, призванное обобщать и интегрировать достижения всех областей научного знания. Человеческие ценности и ценностные отношения являются традиционным объектом изучения философии, таким образом, **оценка рассматривается как философская категория**. Существует множество работ отечественных учёных, в которых разрабатывается философская концепция оценки. В рамках такого подхода оценка определяется как категория, обозначающая «аксиологическое отношение человека ко всему нормативно представленному многообразию предметных воплощений человеческой жизнедеятельности и возможностям их познавательного и практического освоения» [Современный философский...]; «высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность какого-то объекта» [Ивин, 2004]. В предложенных вариантах определения оценки отражается её привязка к некоторой шкале норм, эталонов, идеалов – абсолютной или сравнительной, общей или индивидуальной.

Оценка представляется как такое определение или характеристика объектов, при которых выявляется их положительное или отрицательное

значение для субъекта [Иванова, 1981: 24–31]. Ценностная шкала, к которой привязана оценка, биполярна, оцениваемый объект тяготеет к полюсу со знаком плюс либо минус.

Оценка, как уже сказано, связана с ценностью – она есть способ актуализации ценности в действительности, а оценивание представляет собой «процесс, в ходе которого ценностная сущность предмета, события факта и т.д. реализуется в форме той или иной ценности или неценности» [Сутужко, 2012: 361].

Вопрос о ценностях, оценках и их взаимоотношении исторически являлся одной из важнейших составных частей большинства философских (в особенности – ориентированных на изучение проблем человеческой деятельности) концепций. Так, в античной философии оценка исследовалась исключительно в рамках этической тематики; в Средневековье оценочно-ценностная проблематика была теснейшим образом связана с теологией, а единственной подлинной ценностью, источником опорной ценностной шкалы, признавался Бог, божественная воля; философская мысль Ренессанса, напротив, поставила в центр внимания человека и его творчество; Романтизм сместил фокус внимания философии ещё глубже внутрь человека, на непознавательное отношение субъекта к объекту вслед за учением И. Канта.

И. Кант, поставив вопрос о ценностях и оценках, впервые выделил как отдельные науки гносеологию, этику и эстетику. Выявление своеобразия феномена ценности было осуществлено в 60-е годы XIX века философом Г. Лотце. Определяющее значение имели философские концепции М. Хайдеггера и Ф. Ницше. Ценностной проблематикой занимались Г. Марсель, О. Краус, М. Вебер, Э. Трельч и другие.

Каждый раз, когда человечество проходило через глобальный культурный кризис, работы, посвящённые ценностной проблематике, становились востребованы – особенно яркий всплеск интереса к человеческой аксиосфере спровоцировал кризис гуманизма в период Первой мировой войны. Во второй половине XX века вновь возникла ситуация

тотальной «переоценки ценностей», на этот связанная с кризисом западного типа общественного бытия и культуры, необходимостью осмысления беспрецедентных исторических событий – происходящего в концентрационных лагерях, Гулаге, атомной бомбардировки японских городов. Закономерно возродился интерес к аксиологической проблематике, аксиологический подход осваивался в психологии, выходили монографические сочинения философов, социологов, культурологов, семиотиков, психологов, этиков, эстетиков [Каган, 1997: 19–22]. По сей день отмечается интерес к аксиологической проблематике, такие исследования остаются перспективными и востребованными.

В обобщённом виде исследователями оценочно-ценностной проблематики отмечаются несколько аспектов их взаимоотношений: в оценках и ценностях отражаются одновременно и объективные, и субъективные свойства объектов; положительная оценка любого объекта приобретает значение только при существовании его отрицательной оценки; ценности-антиподы не только связаны друг с другом, но и разделены неким субъективно-измеряемым пределом; проблема оценок и ценностей в широком культурном контексте всегда возникали в периоды кардинальной перестройки общества, традиций, уклада, взаимоотношений человека с миром, общества с государством [Сутужко, 2012: 16].

Оценивает всегда, во-первых, *кто-то*, то есть человек; во-вторых, он оценивает *что-то*, некий объект; этот объект оценивается *как-то*, положительно или отрицательно; наконец, он оценивается *почему-то*, на каких-то основаниях. Таким образом, оценка включает в себя следующие компоненты (некоторые из них могут быть выражены имплицитно):

- 1) субъект оценки (лицо (или группа лиц), приписывающее ценность некоторому объекту);
- 2) предмет оценки (объект, которому приписывается ценность, или объекты, ценности которых сопоставляются);



3) характер оценки (абсолютная или сравнительная, положительная или отрицательная);

4) основание оценки (то, с т. зр. чего производится оценивание) [Ивин, 2004].

Оценка является выражением ценности. Для понятия ценности характерна многозначность: этим понятием может называться оцениваемый предмет, образец-идеал и отношение соответствия оцениваемого объекта к этому идеалу. Как отмечает А. А. Ивин, до сих пор большинство философских определений ценности основывается на «классическом» её понимании, на значении «предмет некоторого желания; объект, значимый для человека или группы лиц, или же образец, на который опирается оценка» [Ивин, 2004]. В философской теории ценностей используется и другое значение – ценность понимается как стабильное понятие о том, что является желательным в обществе; здесь говорят об эстетических, этических ценностях, ценностях культуры.

Вслед за В. В. Мироновым мы понимаем под ценностями «идеально-эталонные побуждения, цели и нормы деятельности человека, в соответствии с которыми он оценивает (выражает субъективное отношение), а также практически преобразует себя и мир» [В.В. Миронов, А.В. Иванов, 2015: 215]. Введение понятия ценности в философский оборот и разработка этой проблематики связана с именами таких учёных, как Г. Лотце, Г. Коген, Э. Асп, Я.Ф. Фриз, И.Ф. Гербарт и др.

Ценности выполняют ряд важнейших функций:

– без ценностей невозможны акты целеполагания: личность всегда стремится к будущему и желает достичь того, что считает полезным, прекрасным;

– благодаря системе ценностей человек способен оценивать себя и окружающих, интерпретировать внешние события, вещи и собственные переживания сквозь призму оппозиций хорошего и плохого;

– никакое творчество невозможно без системы ценностей: в творческих актах всегда что-то отрицают или утверждают;

– система эффективно функционирующих в обществе ценностей имеет прямое отношение к процессам социализации индивида (усвоения нравственных, правовых и социальных ценностей через институт семьи и государственную систему воспитания [В.В. Миронов, А.В. Иванов: 213–221].

Специалисты выделяют следующие черты ценностного отношения к миру:

– «оно отличается от онтологического и гносеологического ракурсов понимания мира своей ярко выраженной жизненно-практической направленностью;

– оно является исключительно многообразным;

– это всегда свободное человеческое отношение к бытию, отличное от биологически детерминированных предпочтений у животного» [В. В. Миронов, А. В. Иванов, 2015: 213].

Оценочно-ценностная проблематика рассматривается в особом разделе философии – аксиологии. Это «учение о ценностях, философская теория общезначимых принципов, определяющих направленность человеческой деятельности, мотивацию человеческих поступков» [Шмидт, 2003: 17]; «философское учение о бытии истинных ценностей, выступающих прочным основанием целеполагающей и оценочной деятельности человека и позволяющих ему вести творческое и гармоничное существование в мире»; «философское учение о благе» [В. В. Миронов, А. В. Иванов, 2015: 210]. Термин был предложен философом П. Лапи в 1902 г., аксиология закреплена в числе основных философских дисциплин Э. Гартманом в 1904 г. Как самостоятельная философская наука она оформилась в конце XX века. В связи с тем, что аксиология стала самостоятельной наукой достаточно поздно, этические, эстетические и лингвистические концепции, касающиеся оценочно-ценностной проблематики, проникают друг в друга и стоят в одном ряду.

В. А. Гневашева и Н. А. Селиверства выделяют следующие этапы развития аксиологии:

В предклассический период, (1806-1890), связанный с трудами Г. Лотце, А. Ритчля, Ф. Brentano, предпринимаются попытки дать научное определение ценностям, которые осмысляются одновременно как субъективные (зависящие от чувств), так и intersubъективные (противоречащие чувствам в качестве сложившейся системы), при этом подчеркивается роль Божественной силы в формировании ценностей.

В классический период (1890-1930) аксиология активно развивается как обособленное научное направление. Уточняется и по-новому трактуется понятие «ценность», возникает множество противоречащих друг другу теорий; ценности осмысляются через «антиценности» и приводятся в иерархию, на вершину которой помещаются религиозные ценности.

Наконец, в постклассический период (с 1930-х гг.) интерес к ценностной проблематике снижается, не появляется принципиально новых, отличных от предыдущих теорий, возникают трактовки существующих. Ценность трактуется в материальном ключе, как благо, средство удовлетворения различных потребностей [Гневашева, Селиверстова, 2015].

В рамках аксиологии оценка – это «философская категория, обозначающая один из видов оценочных отношений человека к действительности»; она «выявляет то, к чему стремится индивид, что он отвергает и к чему безразличен», «выражает позицию субъекта в системе общественных отношений и в культуре» [Андрюхина, 2010: 54].

Аксиология является завершающим разделом метафизики: она касается ценностных устоев мировоззрения, его предельных смыслов и целей; закладывает категориально-метафизические основания под частные философские аксиологические дисциплины – этику, эстетику, философию культуры [В. В. Миронов, А. В. Иванов, 2015: 210]. Важное место здесь занимает эстетическая оценка, однако на раннем этапе развития она не

выделялась в качестве самостоятельной категории, а в классификации вносилась прежде всего категория добра [Алексеева, 2009].

Ситуация эстетической оценки включает в себя три этапа: 1) созерцание объекта, 2) сопоставление с идеалом, 3) собственно вынесение оценки. Данная оценочная шкала реализуется имплицитно; в сознании человека существует некое представление об эстетическом идеале [там же: 16].

Под эстетическим идеалом в эстетике понимается «вид эстетического отношения, являющийся образом должной и желаемой эстетической ценности»; он «находится как бы между эстетическим вкусом и эстетическими взглядами» [Беляев, 1989]; «конкретно-чувственное представление о высшей норме эстетического совершенства и путях его достижения» [Кожевникова, Николаева, 1987].

Эстетическому виду оценки присущи следующие специфические черты, отличающие его от других видов:

1. В отличие от этической оценки, где носителем ценности является духовная интенция поведения, эстетической оценке подвергается материальная структура предмета;

2. Особенностью эстетического вида оценки является также невозможность её отрицания или опровержения другими субъектами;

3. Эстетическую оценку возможно мотивировать посредством других видов оценок;

4. Прекрасное и безобразное являются понятиями, имеющими одновременно объективные и субъективные характеристики, смысл;

5. Значительное место в мотивации эстетических оценок играют эмоции [Алексеева, 2009: 147].

Одновременно с разработкой теорий ценностей в философии в XX веке осмыслением этой проблематики занялась социология США, Германии, Франции. Угол зрения и вообще понимание оценки в социологии обладает своей спецификой. Социологическое осмысление ценностной проблематики

восходит к трудам основоположника социологии О. Конта, который определял ценности как инструмент регуляции общества, установки и поддержания порядка. Кроме О. Конта социология XX века в разработке ценностно-оценочной проблематики опиралась на работы Г. Спенсера, К. Маркса (несмотря на неприятие аксиологии как науки основоположниками марксизма), Э. Дюркгейма, М. Вебера. Понимание социологической фяоценки М. Вебером основано на понятии «практическая оценка», которую учёный трактует как оценку «доступного влиянию наших действий явления как достойного порицания или одобрения»; объектом практической социологической оценки оказываются социальные факты, «которые рассматриваются с этической, культурной или какой-либо иной точки зрения как желаемые или нежелаемые».

В рамках «ранней американской социологии» сформировались две основные парадигмы исследования ценностей: психолого-эволюционистской (Ф. Гиддинс, Л. Уорд) и социал-дарвинистской (У. Самнер, А. Смолл). Понятие «социальная ценность» обосновали в своих работах У. Томас и Ф. Зианецкий. Нормативные ценности изучались Г. Беккером.

Исследователи отмечают большую роль работ П. А. Сорокина, посвященных проблеме ценностей – автор «впервые масштабно показывает методологическую и систематизирующую роль ценностного подхода в социологии» [Спиридонова, 2004: 15]. Идеи о консолидирующей роли ценностей в обществе развиваются Т. Парсонсом, Н. Луманом.

Оценка в социологии определяется как «одобрение или неодобрение, которое проявляет индивид, группа, организация или общество в целом по отношению к своим членам в ответ на выполнение или невыполнение предъявляемых к ним требований» [Налетов, 1999: 363]; это «соотнесение какого-либо объекта с принятым критерием, образцом, нормой, а так же определение цены чего-либо» [Осипов, 1998: 230].

Таким образом, для социологии главным оказывается социум и человек как его единица, что отражается уже в определениях ключевого термина.

Человек и социум становятся объектом (и, соответственно, субъектом) оценки.

Оценка стала объектом изучения и в логике. Этой проблематикой занимается «логика оценок» или «формальная аксиология» - раздел логики, «занимающийся анализом выводов, посылок или заключения которых являются оценки» [Ивин, 1970: 4]. Сложность формально-логического изучения оценок и ценностей состоит в алогичности языка и человеческого мышления. Исследователи ищут путь решения непростой проблемы, сталкиваясь с «неустойчивостью мнений в вопросах добра и зла, морально хорошего и морально предосудительного» [Акинина, 2008: 22].

А. А. Ивин, автор учебника по логике и целиком посвященной проблеме оценки монографии, разделяет логику оценок и логику норм: «логика оценок исследует разнообразные оценки, формулируемые с помощью абсолютных понятий “хорошо”, ”плохо”, ”безразлично” и сравнительных понятий “лучше”, “хуже”, “равноценно”. Логика норм <...> изучает логические связи нормативных высказываний, говорящих об обязательном, разрешенном и запрещённом» [Ивин, 1998: 201].

Оценка получает научное осмысление в психологии, поскольку частным объектом изучения психологии являются эмоции в их взаимосвязи со всеми сферами деятельности человека. Оценка напрямую связана с эмоцией – непосредственным выражением отношения человека к миру. Как отмечают психологи, эмоции сами по себе не могут быть отрицательными или положительными, но таким может быть их влияние на человека и его деятельность. Так считает Е. П. Ильин: «маркировка эмоционального реагирования тем или иным знаком в качестве постоянной его характеристики не оправдывает себя и лишь вводит людей в заблуждение» [Ильин, 2001: 14]. Эмоции провоцируют ценностное отношение к какому-либо объекту и его оценочное переосмысление. Об этом пишет С. Л. Рубинштейн, который подчеркивает, что человек не просто живёт в окружающем его мире, а переживает то, что происходит с ним, и как-то

относится к миру. На основе этого аксиоматического тезиса учёный приводит ряд отличительных характеристик эмоций:

1. Эмоции выражают состояние субъекта и его отношение к объекту;
2. Эмоции полярны (или бинарны, то есть объединяются в пары с противоположным оценочным знаком);
3. Индивид присваивает оценочный знак эмоции в зависимости от того, как объект (явление окружающего мира) влияет на него и насколько он соответствует его интересам, находится ли «действие, которое индивид производит, и воздействие, которому он подвергается, в положительном или отрицательном отношении к его потребностям» [Рубинштейн, 2002: 551-553].

По мнению многих исследователей, к которым относятся Е. П. Ильин, Е. Д. Хомская, С. Л. Рубинштейн, оценка является более осознанным, опосредованным действием, чем эмоция, и требует интеллектуального усилия, в то время как эмоции – первичная и непосредственная форма отражения отношения человека к чему-либо. Эмоциональная «оценка знака явления (положительного или отрицательного) является первичной» [Хомская, 1998: 9] и предшествует логической оценке. С такой точкой зрения не всегда соглашаются лингвисты, исследующие феномен человеческих эмоций в аспекте языковой картины мира. Так, например, Ю. Д. Апресян ставит интеллектуальное осмысление, а, следовательно, и интеллектуальную оценку ситуации перед эмоциональной реакцией на неё [Апресян, 1995].

С рубежа XX-XXI веков активно развивается дискурсивная психология как научное направление, в рамках которого объединяются и обобщаются исследования в области философии, социологии, психологии и лингвистики.

Таким образом, оценочно-ценностная проблематика находится в центре внимания аксиологически ориентированных направлений философии, логики, социологии.

## 1.2. Лингвистическая теория оценки

Многие современные лингвистические дисциплины в той или иной мере учитывают аксиологический аспект. **Аксиологически ориентированными дисциплинами в лингвистике являются:** этнолингвистика, лингвокультурология, лингвоэкология, анализ социального дискурса, политическая лингвистика, теолингвистика и др. Лингвистика внесла большой вклад в разработку ценностной проблематики – как в аспекте поиска и систематизации средств выражения ценностей и оценки, так и в попытке классификации ценностей, уточнения границ и взаимоотношений между понятиями, их определения.

Оценка изучается в рамках множества направлений: когнитивного (А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова), лингвокультурологического (В.И. Карасик, В.А. Маслова, И.А. Стернин, Н.Ф. Алефиренко), семантическое (Е.М. Вольф, Л. Г. Бабенко А. Вежбицкая), лингвоэмотиологическое (Е.М. Галкина-Федорук, Н.М. Михайловская, В.И. Шаховский). В последние годы сформировалось автономное лингвоаксиологическое направление (А.П. Афанасьева, Е.В. Бабаева, М.Р. Бронский, В.И. Карасик).

Существующие определения оценки отражают один из двух взглядов: оценка понимается 1) «как коммуникативно-речевое действие; 2) как компонент плана содержания языковой единицы» [Акинина, 2008: 23]. Им соответствуют термины «оценка» и «оценочность».

Так, многими учеными оценка понимается как «языковая категория, выражающая отношение говорящего к субъекту действительности» [Данилова, 2011: 2]. Оценка, по мнению Н.Д. Арутюновой, является наиболее ярким представителем прагматического значения. Оценка более, чем какое-либо другое значение, зависит от говорящего субъекта, она выражает личные мнения и вкусы говорящего. Оценка социально обусловлена – её интерпретация зависит от норм, принятых в том или другом обществе или



его части. При безусловной связи с фактором говорящего, оценочные предикаты активно обращены на адресата речи [Арутюнова, 1988: 6].

В рамках лингвистической концепции оценки как предмет анализа предлагается понятие «оценочная ситуация». Опираясь на философскую теорию оценки, лингвисты выделяют компоненты оценочной ситуации, или структуру языковой оценки: субъект оценки, оценочное средство, объект оценки, критерии (основания – *И.П.*) оценки [Андрюхина, 2010: 56]. Таким образом, в ходе лингвистического анализа представляется возможным детально рассмотреть оценочную ситуацию по её составляющим. Т.И. Вендина, опираясь на приведенную схему, уточняет: основания дифференцируются на внутренние (выражают эмоциональную сферу говорящего, его чувства, ощущения, положительные и отрицательные эмоции, связанные с психической сферой симпатий и антипатий) и внешние (ориентированы на когнитивную сферу говорящего, отражают знания субъекта, формируемые отношением ментальной и социальной природы окружающей человека действительности [Вендина, 1994: 45].

Оценка тесно связана с эмоциями человека. По мнению Ю.Д. Апресяна, эмоции возникают под влиянием оценки, следовать за интеллектуальным осмыслением ситуации и быть основанными именно на результате этого осмысления, отнесения объекта (ситуации, явления) к одному из концов бинарной оценочной шкалы и выбора реакции в соответствии с этим результатом. В работе «Интегральное описание языка» учёный, отмечая безусловную сложность исследования феномена человеческих эмоций как неосязаемого и ненаблюдаемого объекта, выделяет два подхода к описанию эмоций в языке – смысловой (связанный, в частности, с именем А. Вежбицкой и основанный на принципе описания эмоций через ситуации, в которых они возникают, или на принципе сведения к прототипу) и метафорический (представленный в работах В.А. Успенского и описывающий эмоции через языковые метафоры, в которых они концептуализируются). Проанализировав сильные и слабые стороны этих

подходов и дополнив их, Ю.Д. Апресян предлагает схему возникновения и развития эмоций, которую в упрощённом виде мы представляем так:

1. Восприятие или умственное представление ситуации;
2. Оценка ситуации как благоприятной или неблагоприятной;
3. Эмоциональный отклик;
4. Речевая деятельность, вызванная эмоцией [Апресян, 1995: 458].

Лингвистические классификации оценок могут быть построены на различных основаниях. Наиболее полной большинством учёных признается классификация оценок Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988].

Согласно этой классификации, оценочное значение делится сперва на два противопоставленных типа: общеоценочное и частнооценочное. Первый тип представлен «прилагательными хороший и плохой, а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (прекрасный, превосходный, великолепный, отличный, замечательный и др.), эти прилагательные выражают <...> аксиологический итог»; вторая группа более обширна и разнообразна, «в нее входят значения, дающие оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения» [Арутюнова, 1988: 75].

Частные оценки классифицируются учёным согласно мотивации – причинам вынесения оценки субъектом. Типы оценки по Н.Д. Арутюновой:

1. Сенсорно-вкусовые (гедонистические): приятный-неприятный;
2. Психологические: а) интеллектуальные (интересный, увлекательный), б) эмоциональные (радостный-печальный);
3. Эстетические: красивый-некрасивый;
4. Этические: добрый-злой;
5. Утилитарные: полезный-вредный;
6. Нормативные: нормальный-ненормальный;
7. Телеологические: удачный-неудачный [Арутюнова, 1988: 75].

Не все оценочные прилагательные можно распределить по указанным «разрядам», этой классификации на практике оказывается недостаточно,

поэтому учёные зачастую расширяют её, предлагая в своих исследованиях собственные типы оценок. Например, добавляется категория «степени важности», однако эту оценку можно определить как интеллектуальную; выделяется тип «практической» оценки, синонимичной с утилитарной. Л.В. Красильникова на материале научных рецензий провела анализ оценочных суждений и выделила такие типы оценки:

- «1) общая аксиологическая оценка (хороший, блестящий);
- 2) ментальная оценка, включающая в себя психолого-интеллектуальную (важный вклад, основополагающий метод, серьезная попытка и др.) и эмоционально-интеллектуальную (остроумная идея, рациональный подход, тонкий анализ) оценку;
- 3) практическая оценка, основывающаяся на отношении к норме, стандарту, традиции, актуальности, эффективности и т.д. (идеальная классификация, академический труд, своевременная постановка проблемы);
- 4) эмоциональная оценка, обозначающая различные психологические состояния и реакции (сильное впечатление, неожиданные выводы, поразительные результаты)» [Красильникова, 1999: 52–54].

Предлагаемая классификация выделяет слова типа «хороший, лучший» и т.д. в отдельную категорию, однако смешивает общую и частную оценку, линию разграничения между которыми убедительно проводит Н.Д. Арутюнова.

Оценка является «физическим» воплощением ценности. Ценность в лингвистике трактуется также по-разному. И.А. Стернин в своём определении делает упор на национальную специфику ценностной шкалы: он определяет ценность как «социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением. Ценности – это то, что как бы априори оценивается этническим коллективом как нечто такое, что «хорошо» и “правильно”, является образцом для подражания и воспитания» [Стернин, 1996: 108].

Говоря о том, что ценность эксплицируется в оценке, лингвисты пытаются определить, в чём именно эксплицируется, в свою очередь, оценка. Большинство учёных принято мнение, что невозможно чётко ограничить языковые средства оценивания. Это связано с тем, что оценка выражается в языке разными способами и на всех уровнях: оценочное значение может быть как закреплено во внутрисловных элементах, так и в целом высказывании, микротексте [Вольф, 1985].

Кроме вопроса о носителях оценочных значений, не решен вопрос принадлежности оценки к прагматике или семантике. Е. М. Вольф полагает, что в оценке как лингвистической категории «семантический и прагматический аспекты неразделимы, все стороны её функционирования отражают слияние семантики (собственного значения языковых единиц, включая высказывание в целом) и прагматики (условий реализации процесса коммуникации)» [Вольф, 1985: 203].

Выдвижение феномена оценки на одно из центральных мест в лингвистике связано с развитием функционально-прагматического подхода к исследованию языка. Исследователи феномена оценки считают, что лингвистический аксиологический анализ призван внести описательно-таксономический вклад (вытекающий из анализа языковых структур), предписательно-регламентирующий, интерпретативно-классификационный (вытекающий из анализа философских, культурологических или социологических концептов, объективируемых словами) и диагностирующе-измеряющий (призванный выявить ценностное состояние человека и общества в некоторый момент их существования или в их развитии) [Серебренникова, 2011: 23].

Лингвистический ценностный анализ позволяет глубже и с более широких позиций изучить национальное языковое сознание, помогает построению модели языковой личности. Как отмечает Г.Ф. Гибатова, язык как культурный феномен «фиксирует и отражает некоторым опосредованным образом как систему ценностей, настроения, оценки,

существующие на данный момент в данном социуме, так и ценности, являющиеся вечными для данной культуры» [Гибатова, 2011: 129].

Продуктивным является семантический подход к изучению оценки. В рамках этого подхода оценка рассматривается как добавочный оттенок значения слова, или коннотация.

Понятие оценки тесно связано с понятием коннотации, оценка присутствует в коннотации как определяющий компонент. Во многих, если не во всех, определениях коннотации отражается важная роль эмоционально-оценочного компонента в ней: «эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального (закреплённого в системе языка) или окказионального характера» [ЛЭС, 1990: 230]; «дополнительное содержание слова, его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность» [Ахманова, 1969: 203]; «семантическая сущность, узуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [Телия, 1986: 5].

Говоря об обязательности оценочного компонента в коннотации, следует помнить, что оценка может содержаться в денотативной части слова, выходить с периферии в ядро.

Помимо собственно лингвистического существует и экстралингвистический подход к определению и изучению коннотации, рассматривающий её и вне значения слова, как «набор семантических ассоциаций, отражающих особую «ауру» обозначаемого объекта, существующую в данном языковом сообществе» [Вестфальская, 2015: 5].

Экстралингвистическая трактовка коннотации, проводимая Ю.Д. Апресяном [Апресян, 1995], показывает её как лингвокультурологическое явление.

Положение о невозможности лингвокультурологического анализа без рассмотрения категории оценки признается аксиоматичным [Алефиренко, 2010: 74]. Этим обусловлена продуктивность культурологического подхода к изучению ценностей и оценки.

Ценность в лингвокультурологии трактуется шире семантики слова, что отражается, например в работах С.Н. Виноградова, который определяет ценность следующим образом: «идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей»; кроме того, ценность осмысливается экстралингвистически – языковая экспликация ценностного отношения человека к миру здесь оказывается одной из разновидностей выраженности ценности: «языковое и речевое воплощение представлений людей о ценностях, словесные модели ценности, создаваемые носителем языка» [Виноградов, 2007: 93].

Лингвокультурология изучает ценности через их отражение в лингвокультурологических концептах. Отметив, что невозможность «наблюдать» концепт даёт большой простор его толкованию, Н. Ф. Алефиренко отмечает, что концепты «способны объективировать и субъективное»; Н.Ф. Алефиренко отмечает, что концепты представляют собой «продукты ценностно-смыслового познания», человек живет в мире «субъективных образов, смыслов и ценностей» [Алефиренко, 2010: 7, 171].

Обобщая опыт лингвокультурологии в изучении ценностей, ученый предлагает их классификацию:

I. По типу:

- 1) витальные (жизнь, здоровье, качество жизни, природная среда и др.);
- 2) социальные (социальное положение, статус, трудолюбие, богатство, профессия, семья, терпимость, равенство полов и др.);

3) политические (свобода слова, гражданская свобода, законность, гражданский мир и др.);

4) моральные (добро, благо, любовь, дружба, долг, честь, порядочность и др.);

5) религиозные (Бог, божественный закон, вера, спасение и др.); эстетические (красота, идеал, стиль, гармония).

II. По степени представленности в языке: общечеловеческие, национальные, сословно-классовые, групповые, семейные, индивидуально-личностные [Алефиренко, 2010: 10].

Ценностно-оценочной проблематикой занимается современная лингвоаксиология, ориентированная на «исследование способов предъявления миру данного типа переживания, рефлексии в их контекстуальной представленности и эффективности в межличностном / социальном планах в культуре, времени и пространстве» [Серебренникова, 2011: 23]. Главным учёным-лингвоаксиологом можно назвать В.И. Карасика, руководителя научно-исследовательской лаборатории «Аксиологическая лингвистика» при Волгоградском педагогическом университете. В.И. Карасик классифицировал ценности и описал способы их отражения в языке [Карасик, 2002]. Лингвоаксиологический подход в интерпретации В.И. Карасика тесно сближается с лингвокультурологическим.

Аксиологический подход к исследованию языка и лингвокультуры способствует выявлению и анализу ценностей, эксплицируемых языком: общечеловеческих, национальных, индивидуальных или присущих социальной группе. Ценностные доминанты, заложенные в аксиологических концептах и оценочных высказываниях, лежат в основе ценностной картины мира. Ценностная картина мира (ЦКМ) выделяется как аспект языковой и определяется как «система ценностных отношений к познанной действительности», она отражает аксиологический аспект деятельности человека [Голованова, 2001: 11].

Основные положения лингвоаксиологов о ЦКМ:

«1) ценностная картина мира в языке включает общечеловеческую и специфическую части, при этом специфическая часть этой картины сводится к различной номинативной плотности объектов, различной оценочной квалификации объектов, различной комбинаторике ценностей;

2) ценностная картина мира в языке реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными литературными сюжетами;

3) между оценочными суждениями наблюдаются отношения включения и ассоциативного пересечения, в результате чего можно установить ценностные парадигмы соответствующей культуры (например, из определенного типа отношения к старшим и младшим можно вывести тип отношения к собственности, к состязанию, к приватности и т.д.);

4) в ценностной картине мира существуют наиболее значимые для данной культуры смыслы, культурные доминанты» [Карасик, 2002: 117]. То же, что В.И. Карасик называет культурными, или ценностными доминантами, Ю.С. Степанов называет константами культуры [Степанов, 1997].

Итак, в современной лингвистике существуют несколько направлений изучения ценностно-оценочной проблематики, наиболее разработанным из которых является лингвоаксиологическое.

1.3. Категория оценки и смежные понятия: оценочность, эмоциональность, экспрессивность

Как уже было отмечено, в научной литературе, посвященной языковой оценке, возникает терминологическая путаница омонимичных понятий – оценки как языковой категории и оценки как акта оценивания. При анализе языковой оценки исследователи вынуждены каждый раз развернуто



анализировать существующие определения и предлагать собственные критерии разграничения смежных понятий. Так, акт отнесения предмета к тому или иному полюсу некоей ценностной шкалы, как правило, называют собственно оценкой, а для обозначения семантической категории оценки пользуются термином «оценочность», «поскольку этот термин обладает, во-первых, достаточной степенью абстрактности, во-вторых, необходимой краткостью и, в силу этого, удобным в употреблении, в-третьих, позволяет отличать оценку как семантическую категорию от логического и онтологического толкований» [Квашина, 2013: 252].

Оценочность является свойством языковой единицы, выражающей оценку. Под оценочностью понимается «потенциал слова или словосочетания, их способность эксплицировать положительные или отрицательные свойства объекта, его фиксацию на оценочной шкале, его место в аксиологическом поле» [Маркелова, 2006; 75].

Следует отметить существование в языкознании различных точек зрения относительно взаимоотношений понятий «оценочность» и «эмоциональность». Согласно первой точке зрения, оценочность и эмоциональность образуют нерасторжимое единство. Этой точки зрения придерживаются, например, Н.А. Лукьянова и В.И. Шаховский. Так, Н.А. Лукьянова считает, что «оценочность представляется как соотнесенность слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами человека, не составляют разных компонентов значения, они едины, как неразрывны оценки и эмоции на внеязыковом уровне» [Лукьянова, 1986: 45].

Противоположного мнения придерживается Е.М. Галкина-Федорук, пользуясь термином «эмотивность» вместо эмоциональности, и основным отличием оценки, эмоции и экспрессии считает их цели: если оценка – это осознанное языковое воплощение отношения к чему-либо, то **эмотивность** – спонтанное проявление чувств. Отдельно существует **экспрессивность**. В интерпретации учёного это выразительность речи для воздействия на слушателя; кроме того, экспрессивность шире эмотивности: «...выражение

эмоций в языке всегда экспрессивно, но экспрессивность в языке не всегда эмоциональна» [Галкина-Федорук, 1958: 141]. Такое понимание связи экспрессии и эмоции восходит к трудам швейцарского лингвиста Ш. Балли: «у нас нет более эффективного средства внушить свою мысль собеседнику и воздействовать на его чувства, чем эмоциональная интонация и обусловленные ею восклицательные формы речи» [Балли, 1961: 351].

В следующем определении из словарной статьи, основанной в том числе на работах Е.М. Галкиной-Федорук, также подчеркивается связь и даже единство оценки и экспрессии: экспрессивность – «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают её способность выступать в коммуникативном акте как средство *субъективного выражения отношения* говорящего к содержанию или адресату речи» (курсив наш. – И.П.) [ЛЭС, 1990].

Многие ученые не разграничивают оценочность и эмотивность. Так полагает А.В. Кунин, считая эмотивность языковым проявлением эмоциональности, а также эмоциональной оценки: «эмотивность – это эмоциональность в языковом преломлении, т.е. *чувственная оценка объекта*, выражение языковыми или речевыми средствами чувств, настроений, переживаний человека» [Кунин, 1996: 93].

Существует убедительная точка зрения, согласно которой эмоциональность, оценочность и экспрессивность в совокупности составляют содержание понятия «коннотация»: в семантике отдельного слова они представляются как несколько взаимно пересекающихся кругов с наличием общей точки. Опираясь на этот тезис, В.К. Харченко предлагает рассматривать эти термины синтагматически, как разные аспекты коннотации, и проводит линии разграничения между всеми компонентами содержания слов, которые, впрочем, оказываются пунктирными. Так, по мнению учёного, оценочность, являясь функциональной категорией, «менее всего является “созначением”», эмоциональность же – категория психологическая [Харченко, 1976: 66–70]. Приводя примеры различных

ситуаций, где один или несколько аспектов коннотации могут отсутствовать, учёный всё же не показывает, где именно заканчивается, например, оценка, и где начинается эмоция в слове, где присутствуют оба вида коннотативных значения; невозможным оказывается также разделение средств экспликации каждого из них.

Эмотивность, как и оценочность, выражается всеми уровнями языка. Так, на фонетическом уровне маркерами эмоциональной информации являются случаи сознательного отступления от точности произношения (что лежит в основе речевого комизма); образный (коннотативный, эмоциональный) характер фонетического значения; колебания интонации, темпа, громкости, появление пауз. На морфонологическом уровне средствами эмотивности признаются суффиксы субъективного отношения, а так же средства создания эмоционально окрашенных глаголов (суффиксы – ича- и –ствова-, приставки, звукоподражания). На синтаксическом уровне: приближенные к разговорной речи конструкции, клишированные модели [Ионова, 1998; 67].

В системе эмотивных, как и оценочных, средств языка центральное место занимает лексика. Для обозначения эмотивной лексики предложен термин эмотив – «языковая единица, в семантической структуре которой имеется эмоциональная доля в виде семантического признака, семы, семного конкретизатора, значения, благодаря чему эта единица адекватно употребляется всеми носителями языка для выражения эмоционального отношения\состояния говорящего» [Шаховский, 1987; 24].

Большинство ученых говорят о неразрывной связи категорий оценочности, экспрессивности и эмотивности. Термин «эмотив» можно использовать для описания и анализа оценочных средств языка. Выделяется множество видов эмотивов, основанием для классификации может стать степень выраженности эмоционального компонента в лексеме (речь об этом пойдет в главе 3, параграфе 3.1).

## **ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1**

XX век стал веком «аксиологического ренессанса». Ценность стала объектом исследования множества антропоцентрических наук: философии и аксиологии, социологии, психологии, языкознания. В ходе тесного взаимопроникающего взаимодействия методов разных наук сформировалось лингвоаксиологическое научное направление, была разработана развернутая языковая теория оценки.

Различие в понимании феномена оценки между представителями различных направлений и в работах разных ученых усложняется и разницей в понимании и использовании самого термина.

Языковая категория оценочности традиционно рассматривается как аспект коннотации слова в своей неразрывной связи с эмотивностью, экспрессивностью, однако лексическим уровнем средства экспликации оценки не ограничиваются.

## ГЛАВА 2. ДИСКУРС С.А. АЛЕКСИЕВИЧ КАК МАТЕРИАЛ ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

### 2.1. Индивидуальный дискурс и идиостиль

Термин «дискурс» используется во многих гуманитарных науках. Присутствие термина в аппаратах различных дисциплин обуславливает различие в его трактовках, единого и однозначного определения этому термину не существует, а имеющиеся зачастую сформулированы слишком абстрактно и неудобны в использовании. В лингвистике дискурс является многозначным термином, который употребляется в почти омонимичных значениях целым рядом авторов. Т.М. Николаева среди этих значений в качестве важнейших выделила следующие: «связный текст; устно-разговорная форма текста; диалог; группа высказываний, связанных между собой по смыслу; речевое произведение как данность – письменная и устная» [Николаева, 1978: 467].

Термин «дискурс» начал широко употребляться в начале 1970-х гг., первоначально смешиваясь с термином "функциональный стиль" (речи или языка), уже широко распространенным в русской филологии. Новый термин понадобился для разграничения этого понятия, сложившегося в отечественной традиции, и нового, появившегося в западной традиции, в которой не существовало стилистики как особой отрасли языкознания. "Дискурс" в понимании англо-саксонской лингвистической школы означал именно тексты в их текстовой данности и в их особенностях [Степанов, 1995: 36]. По мнению исследователей, внедрение термина «дискурс» в понятийный аппарат языкознания не означает необходимости кардинального пересмотра или даже замены сложившейся в отечественной традиции системы функциональных стилей – стилистика неприкосновенна как классическая филологическая дисциплина [Клушина, 2011]. Система

функциональных стилей при этом не закрыта и пополняется вместе с развитием языка.

Рассматривая различные взгляды на проблему определения дискурса, М. Л. Макаров выделяет три подхода к данной проблеме – формальный (с точки зрения которого дискурс определяется как «язык выше уровня предложения или словосочетания»), функциональный (определяющий дискурс как «все аспекты употребления языка») и ситуативный (дискурс как высказывание) [Макаров, 2003].

Свободное определение дискурсу дал В.З. Демьянков, основываясь на работах по зарубежному языкознанию: «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения» [Демьянков, 1982: 7].

Как отмечает Миронова, постепенно произошел распад полисемичности термина, и к настоящему времени сформировались два самых распространенных варианта понимания дискурса: дискурс как текст, актуализируемый в определённых условиях, и дискурс как дискурсивная практика [Миронова, 1997: 53].

В данной работе мы решаем отталкиваться от всеобъемлющего определения термина «дискурс» в трактовке Т.А. Ван Дейка: «Дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя всё многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение» [Ван Дейк, 2000].

Исследователи отмечают, что определение дискурсу, в том числе авторскому, может быть дано с различных позиций – как с узких лингвистических, так и с более обобщённых, общенаучных. Экстралингвистическое толкование дискурса предлагает стоящий у истоков когнитивно-дискурсивного направления лингвист Е.С. Кубрякова: дискурс в её понимании - это «действие говорящего со всеми его интенциями, знаниями, установками, личностным опытом и всей его погруженностью в

совершаемый им когнитивно-коммуникативный процесс» [Кубрякова 2005: 30]. В этом определении отражается и подчёркивается значение индивидуального в любом дискурсе, на что обращает внимание К. Д. Цветкова: такое определение говорит о дискурсе «как о “зеркале” личности, создавшего этот дискурс» [Цветкова, 2015: 39].

Существующие классификации дискурсов неоднородны, что вызвано возможностью выбрать различные основания для классификации. Так, дискурс можно понимать как совокупность текстов, общим параметром для которых может являться тема или событие, жанр или стиль, сфера бытования или форма репрезентации (газета, Интернет и т.д.). Любой из этих параметров может быть отправной точкой для классификации: выделяются политический, новостной, газетный, научный, публицистический дискурсы.

Примечательно, что возможность выделения такого огромного количества дискурсов, основываясь на разных представлениях об условиях его выделения, вызывает вопрос о возможности выделения дискурса как особого явления, о его существовании [Красных, 2003], так же, как возникают вопросы о существовании системы стилей языка в связи с её подвижностью и открытостью.

С позиций социолингвистики В.И. Карасик считает возможным выделить два основных типа дискурса: личностный, или персональный (личностно-ориентированный, где говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира), и институциональный (где говорящий выступает как представитель определенного социального института) [Карасик, 2000: 7]. Термины «авторский», «индивидуальный», «личностный», «персональный дискурс» и т. д. в контексте данного исследования мы рассматриваем как тождественные с той поправкой, что «авторским» дискурсом зачастую называют вид художественного дискурса.

Персональный дискурс, по мнению исследователя, существует в двух основных разновидностях: бытовом и бытийном. В первом случае «общение носит свернутый, “пунктирный” характер, речь идет об очевидных вещах,

используется разговорная форма речи; бытовой дискурс диалогичен и является генетически исходным типом общения»; во втором случае «предпринимаются попытки раскрыть свой внутренний мир по всем его богатству, общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка; бытийное общение носит преимущественно монологический характер и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами» [Карасик, 2002: 240]. Легко заметить, что именно в бытийном дискурсе возможна экспликация ценностного отношения говорящего к миру, он насыщен эмоциональностью и экспрессивностью.

В расширительном смысле трактует дискурс В. И. Габдуллина. Предложенное ей определение авторского дискурса звучит так: «это высказывание автора, репрезентированное в тексте в прямой или завуалированной форме» [Габдуллина, 2011]. На наш взгляд, такое понимание авторского, или индивидуального, дискурса наиболее полно отвечает нашим исследовательским задачам и отражает наше понимание этого явления: здесь отражена имплицитность выраженности дискурса в тексте.

Дискурс на начальном этапе проникновения в терминологический аппарат языкознания смешивался с понятием «стиль». Соответственно, термин «индивидуальный дискурс» сближается с похожим, но не тождественным термином «идиостиль» или индивидуальный стиль. Возможно такое определение идиостиля: «своеобразие (специфика) приемов словоупотребления, конструкций и т. п., характеризующее устную и/или письменную речь отдельного лица» [Ахманова, 1969: 455]. В теории литературы идиостиль отличают от идиолекта, определяя последний совершенно иначе, чем в языкознании (как совокупность всех текстов определенного автора).



В целом существующие определения идиостиля сводятся к пониманию его как набора языковых и содержательных особенностей текстов, создаваемых отдельным человеком. Этот термин чаще используется в работах, связанных с анализом поэтики художественного текста, что отражается в другом варианте его определения – «совокупность основных стилевых элементов, неизменно присутствующих в произведениях данного автора» [Ахманова, 1969: 455]. Лингвистическому подходу к описанию текста соответствует термин «дискурс».

Итак, дискурс – весьма сложное явление, не поддающееся точной и однозначной трактовке. Дискурс как термин в последние годы стал широкоупотребительным, его используют для обозначения совокупности текстов, объединенных некими общими признаками (темой, сферой, формой бытования и др.), или для любого текста, погруженного в ситуацию общения. Индивидуальным дискурсом в таком случае называют все высказывания, принадлежащие определенному лицу и репрезентированные в тексте.

## 2.2. Творчество С. А. Алексиевич в контексте эпохи

С.А. Алексиевич вошла в историю белорусской и мировой литературы как автор цикла художественно-документальных книг, повествующих о т.н. «болевых точках» в истории Беларуси, БССР и СССР.

Книги представляют собой сборники документальных свидетельств, записанных устных нарративов «советских людей». Нарраторами в цикле «Голоса Утопии» выступают участники Великой Отечественной и афганской войн («Цинковые мальчики», «Последние свидетели», «У войны не женское лицо»), жертвы трагедии на Чернобыльской АЭС («Чернобыльская молитва»), а также их родственники, друзья и другие неравнодушные к обсуждаемым темам люди. В фокусе последней книги цикла – «Время секунд хэнд» - оказывается целый исторический период: предпринимается попытка осмыслить опыт советского государства, а также социальные процессы

постсоветской России. В целом свой цикл автор называет «красной энциклопедией».

Темой трёх из пяти книг «Голоса утопии» является война: это как конкретные боевые действия с привязкой к времени и месту (Великая Отечественная, чеченская, афганская), так и война как феномен человеческой истории. В связи с этим нельзя избежать рассмотрения творчества автора в контексте военной прозы последнего десятилетия XX века, определяющейся разнообразием художественных подходов.

С. Выговская, исследуя **военную прозу** второй половины 1990 – начала 2000-х годов, подразделяет военные тексты на две категории. К первой относятся репортажные тексты, где автор – собиратель историй, фактов, документов. Вторую категорию составляют собственно авторские, субъективные произведения, где повествование ведется от первого лица, рассказчик выступает художественным двойником автора.

Тексты Алексиевич принадлежат к первой категории, здесь художник «выступает в роли селекционера, собирателя, летописца, он не заостряет внимание на собственном опыте, а отсылает читателя к чужому переживанию; автор «выступает как ”я”, описывающее себя как объект, и он же вводит рассказчиков, выступающих как субъекты своего ”я”» [Выговская, 2009: 130].

Как отмечает А.Г. Тоне, книги «У войны не женское лицо» (1985) и «Последние свидетели» (1985) были прямым продолжением традиций художественно-документальной прозы (А. Адамович, Я. Брыль, В. Колесник, Д. Гранин); при этом, раскрывая официально утвержденные темы (героизм воевавших женщин и страдания детей, переживших войну), автор в обеих книгах подводил читателя к главной проблеме – проблеме циничного безразличия советской власти к судьбе людей.

Так, в книге «У войны не женское лицо» собраны рассказы женщин-участниц войны, которые в совокупности составляют «имплицитно выраженное обвинение режиму, допустившему, чтобы на женские плечи

легла тяжесть, непосильная даже для мужчин» [Тоне, 1999]. В то же время книга стала открытием даже для подготовленного читателя, был произведен ещё один «срез» действительности военной поры и найден новый поворот в освоении темы «человек и война».

В произведении «Последние свидетели» авторская мысль сконцентрирована таким образом, чтобы посредством рассказов детей, как в своё время и рассказами женщин из «У войны не женское лицо», «показать ещё одну сторону войны и имплицитно выдвинуть обвинение государству, не сумевшему достойно защитить своё будущее» [Там же].

В заключительной книге цикла «Голоса утопии» («Время секунд хэнд»), как отмечают критики и литературоведы, «стараясь занять позицию “хладнокровного историка, а не историка с зажженным факелом”, С.А. Алексиевич тем не менее обнаруживает свою волю во всей конструкции книги – и во внешней архитектонике, и во внутренних композиционных со/противопоставлениях» [Крылов, 2014: 252].

Помимо традиций военной прозы, книги Алексиевич заставляют обратиться к поэтике «литературы факта», получившей своё широкое распространение в последние годы. Существовая с давних пор, только в XX веке такая литература достигла своего настоящего расцвета и коммерческого успеха, отвечая на запрос читателя, удовлетворяя его «”голод” по отношению к документальным свидетельствам исторических событий, малоизвестным фактам и скрытым страницам истории» [Сайни, 2013: 17].

Несмотря на такую популярность документальной литературы, пока существует мало работ, комплексно осмысляющих этот условный жанр. Попытку такого научного исследования предприняла Е.Г. Местергази, создав экспериментальную энциклопедию литературы нон-фикшн.

В зарубежном и отечественном литературоведении одновременно используются множество терминов для обозначения литературы, созданной на основе документального материала: литература нон-фикшн, литература факта, документальная литература и другие. В отечественной науке

популярностью пользуется термин «документальная литература», возникший в критике в 1920-е годы.

Существующие споры вокруг феномена документальной литературы сводятся к двум ключевым проблемам: проблеме границ художественной литературы (М.М. Бахтин, Ю.Н. Тынянов, Ю.М. Лотман и др.) и проблеме определения документальной литературы как жанра либо вида (Е.Г. Местергази, Л. Я. Гинзбург, Б. Агапов). Косвенно проблемы отношения документальной литературы к собственно литературе касаются ученые, разрабатывающие теории литературного жанра как такового (А.Н. Веселовский, Г.Н. Пospelов и др.).

Как отмечает Е.Г. Местергази, в период до XX века, когда установка на подлинность в литературе отсутствовала, существовали такие традиционные («чистые») жанры документальной литературы, как мемуары, письма, дневники, записки, травелоги, биографии и автобиографии, очерки и т.д. После XX века и особенно во время второй мировой войны, когда «факт получил самостоятельное эстетическое значение», к этим жанрам добавились невыдуманный рассказ, документальная повесть, документальный роман и отдельно выделяемые жанры литературы человеческого документа и наивного письма, а также различные авторские жанровые именованья, среди которых – «опыт художественного исследования» А.И. Солженицына и «роман голосов» С.А. Алексиевич.

Рассматривая романы С.А. Алексиевич (в частности, «Цинковые мальчики»), Е.Г. Местергази уверенно относит их к собственно художественным произведениям, а также, что особенно важно в контексте нашего исследования, признаёт присутствие в них авторского «голоса» наряду с голосами рассказчиков и даже отмечает его скрепляющую роль: «авторская позиция, авторский голос, звучащий в [произведениях] на равных с голосами героев и несущий “свою” правду, организует произведение в художественное целое, весьма далёкое от литературы “человеческого документа”» [Местергази, 2007; 8, 9, 96].

До последних лет исследователи рассматривали только отдельные произведения С.А. Алексиевич в отрыве от контекста всего цикла «Голоса утопии», который завершился только в 2013 году книгой «Время секунд хэнд», или ограничивались рассмотрением истоков и новаторства военной прозы автора: «У войны не женское лицо», «Цинковые мальчики», «Последние свидетели» [Тоне, 1999; Выговская, 2009]. Только в последние годы стали появляться работы, учитывающие взаимоотношения книг внутри цикла и прослеживающие эволюцию авторского замысла в редакциях и переизданиях [Крылов, 2014; Сивакова, 2014].

Лингвистические исследования содержательных текстов автора очень немногочисленны. Такая односторонняя и явно недостаточная исследованность не раскрывает всей сложности творчества автора, и нам представляется, что лингвистический анализ текстов С.А. Алексиевич поможет ответить на многие важные вопросы.

### 3.3. Цикл «Голоса Утопии» в аксиологическом аспекте

Личность С.А. Алексиевич и её творчество в критике оценивается крайне противоречиво. С одной стороны, автора обвиняют в предвзятости, лжи и подделке документального текста. Читатели критикуют её за политическую ангажированность творчества, неприкрытое обвинение действующей власти в Белоруссии, России, на Украине, насмешки над «красным человеком» и презрительное отношение к его ценностям, укладу жизни. Ведутся споры о том, какой компонент в её творчестве преобладает – художественный или публицистический [Окороков, 2014]. С другой стороны, Алексиевич превозносят как художника, совершившего литературное открытие, придавшего ценность индивидуальному жизненному опыту, личного осмысления истории; как писателя, нашедшего смелость говорить о Чернобыле; об ужасах Афганской и Чеченской войн, сталинских репрессий; о катастрофе смены эпох [Гапова, 2015; Карасты, 2014].

Главным фактором, вынесшим фигуру Алексиевич в центр дискуссий в последние годы, стало присуждение автору Нобелевской премии по литературе в 2015 году. Алексиевич стала первым русскоязычным лауреатом этой премии с 1987 года. В этом выборе помимо предпосылок собственно художественных многие видят причины политические, и в первую очередь – желание продемонстрировать неприятие режима Лукашенко и Путина, поддержку либеральных взглядов.

По мнению Г.Л. Юзефович, роль политических установок в решении нобелевского комитета нельзя не принимать во внимание, политическая подоплёка в этом решении действительно присутствует, однако попадание автора в шорт-лист претендентов свидетельствует о высокой степени признания его художественного таланта и важности разрабатываемых ей тем. Важнейшим достижением автора, как ранее нобелевским комитетом, так и литературными критиками, признаётся работа по сохранению и передаче устной истории советского народа: «русской культуре есть за что благодарить Алексиевич» [Юзефович, 2015].

Недоумение литературного сообщества и неприятие им успеха С.А. Алексиевич были вызваны не только идеологическими разногласиями, но и разными взглядами на проблему «литературности» документального текста. Этот вопрос был одним из обсуждаемых в 1990-е годы, в период судебного разбирательства, связанного с публикацией отрывка книги «Цинковые мальчики» в 6 октября 1989 года в белорусской газете «Літаратура і мастацтва». Поводом стало обращение в суд матерей воинов-афганцев с коллективным иском о защите чести и достоинства, прозвучали обвинения в фальсификации нарративов и некорректной интерпретации слов нарраторов, в намерении дискредитировать образ советских воинов-интернационалистов. Материалы суда, речь ответчика и некоторые выступления истцов приведены в приложении-эпilogue к книге «Цинковые мальчики» с подзаголовком «Суд над “Цинковыми мальчиками” (история в документах)». Велись споры о

допустимой степени вмешательства автора документальной книги в материал, о праве автора на его переработку.

Объектом споров художественный компонент творчества автора вновь стал в связи с номинацией С.А. Алексиевич на Нобелевскую премию в 2013 году: некоторые журналисты и критики отмечали, что ценность каждой её книги «тем больше, чем меньше в ней присутствие Алексиевич» [Шабаева, 2013]. Соответственно, после награждения автора в 2015 году спор вновь обострился: журналисты высказывали мнения, что «любой текст Алексиевич – не более литература, чем инструкция к микроволновой печи или утюгу» [Бударагин, 2015].

Г.Л. Юзефович, проанализировав особенности творчества и личности всех нобелевских лауреатов последних лет и выявив закономерности или некие общие тенденции, убедительно доказывает, что решение о присуждении премии Алексиевич демонстрирует новые установки комитета: если на начальном этапе производился поиск некоего литературного эталона в жанре, на следующем – выявление и поощрение новаторства, то на современном этапе определяющей ценностью стало «diversity» (разнообразии), и это разнообразие следует понимать не только как культурное (награждаются писатели из Японии, Австралии, то есть ценится мультикультурность, многоязычие), но и как художественное.

Современная Нобелевская премия не столько выявляет лучшего мастера современности, сколько ставит вопрос о том, что есть литература (такую гипотезу подтверждает и присуждение в 2016-м году Нобелевской премии по литературе американскому певцу Бобу Дилану): «Нобелевская премия по литературе сегодня — не писательский конкурс красоты, но результат сложного, осмысленного и увлекательного картографирования и размежевания литературного пространства» [Юзефович, 2017]. Таким образом, присуждение премии по литературе автору, основывающему своё творчество не на художественном вымысле, а на документальных

материалах, является высказыванием: документальная литература – тоже литература.

Итак, личность и творчество Алексиевич были центрами дискуссий задолго до присуждения автору Нобелевской премии по литературе в 2015 году, однако именно это событие сделало имя автора наиболее известным в мире и в России, даже среди людей, далеких от литературы. Награждение белорусского автора-документалиста вызвало множество дискуссий в литературной и околотитулатурной среде. Все споры можно свести к нескольким основным проблемам. Во-первых, возникли сомнения в справедливости и независимости выбора лауреата – по мнению многих, момент политической игры долгие годы слишком сильно влияет на решения Нобелевского комитета. Во-вторых, активизировался спор о причастности документальной прозы к собственно литературе и приравниванию работы собирателя-исследователя к труду писателя и художника. В-третьих, стала активно обсуждаться проблема допустимой степени вмешательства в фактический материал в ходе создания художественно-документального произведения, а также проблема границ авторских прав на документальный текст.



## ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

С. А. Алексиевич работает в жанре нон-фикшн, её книги – сборники документальных свидетельств, записанные в ходе личных встреч нарративные тексты. Тематика произведений Алексиевич охватывает «болевые точки» истории советского государства: Великая Отечественная война, Афганская война, авария на Чернобыльской АЭС, распад СССР (политическая и социальная атмосфера России начала XXI века). Называя свой художественный цикл «Голоса утопии», Алексиевич даёт ему другое название в интервью: «красная энциклопедия». В центр внимания всего цикла автор ставит образ советского или «красного» человека, каждая книга призвана показать его с одной из сторон, помещённым в одну из критических для народа ситуаций. Непосредственно главным объектом изображения «красный» человек становится только в завершающей книге цикла – «Время секунд хэнд».

## ГЛАВА 3. ЭКПЛИКАЦИЯ ОЦЕНКИ В ДИСКУРСЕ С. А. АЛЕКСИЕВИЧ

### 3.1. Классификации оценочных средств языка

Способы выражения оценки в русском языке разнообразны и осуществляются посредством языковых единиц разных уровней. Средства оценки представляют собой систему.

Большинство лингвистов считают, что основным и наиболее представительным уровнем выражения оценки является лексический (Т.И. Вендина, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Маркелова). Основными средствами номинации внутри него выступают имена прилагательные, среди которых по степени употребительности выделяются синонимические ряды «хороший\плохой», и все прилагательные, выражающие оценочные значения. Классификация оценочной лексики возможна на различных основаниях: по оценочному знаку (положительная и отрицательная), по частям речи, по степени присутствия оценочного компонента в структуре лексемы.

Нередко как средство выражения оценки учёными рассматривается средство экспликации эмоции – эмотив. Эмотив – это «языковая единица, в семантической структуре которой имеется эмоциональная доля в виде семантического признака, семы, семного конкретизатора, значения, благодаря чему эта единица адекватно употребляется всеми носителями языка для выражения эмоционального отношения\состояния говорящего» [Шаховский, 1987: 24]. По мнению некоторых исследователей, эмоциональность и оценочность являют собой единство [Лукьянова, 1986], по мнению других эти два понятия необходимо чётко разделять.

Для изучения эмотивной лексики опорными стали работы В.И. Шаховского, который впервые систематизировал фонд эмотивной лексики языка и составил базовую их классификацию. В этой классификации

важнейшим, на наш взгляд, является разделение эмотивов на две больших группы по степени выраженности эмоций в их семантике:

1. Эмотивы-аффективы – слова, служащие исключительно или преимущественно для выражения эмоций (при этом эмоция не называется, а только эксплицируется эмоциональность). В эту группу лексики включаются все междометия, междометные слова, обценная лексика, эмоциональные адресативы, инвективная лексика.

2. Эмотивы-коннотативы – слова, в семантическую структуру которых эмоциональность включена как коннотация и сопутствует его базовому, лексическому значению. В эту группу можно включить все слова, образованные с помощью аффиксов эмотивно-субъективной оценки (пренебрежительные или уменьшительно-ласкательные суффиксы и т.д.). Сюда включается зоолексика, сленгизмы, жаргонизмы, архаизмы, поэтизма, эмоционально-оценочные прилагательные и т.д.

Кроме того, как отмечает исследователь, средством экспликации эмоции\оценки могут выступать слова, приобретающие эмотивность исключительно в определенном контексте – т. н. нейтральная лексика. Вне контекста в этих словах отсутствует оттенок эмоциональности или оценочности [Шаховский, 1987: 25].

Л.Г. Бабенко с различных позиций приводит несколько развёрнутых классификаций эмотивной лексики, среди них – грамматическая (эмотивные существительные, прилагательные, категории состояния и т.д.) и семантическая (эмоционального состояния, становления состояния, воздействия, отношения и т.д.) [Бабенко, 1989].

С позиций лексической и функциональной семантики учёный приводит развёрнутую классификацию эмотивов, подразделяя их на несколько основных категорий:

1. Эмотивы-номинативы базовые (с исходными эмотивными смыслами: грустить, грустный, грустно);

2. Эмотивы-номинативы дополнительные (с включенными или имплицитными смыслами);

3. Эмотивы-экспрессивы (с сопутствующими смыслами; в эту группу учёный включает коннотативы) [Бабенко, 1989: 87].

Проанализировав, систематизировав классификации В.И. Шаховского и Л.Г. Бабенко и применив их к языковому материалу, исследователи М.Я. Блох и Н.А. Резникова предложили следующую классификацию лексических средств оценивания:

1. Эмотивы-номинативы – лексика, называющая эмоции;
2. Эмотивы-ассоциативы – лексика, где эмоциональность связана с возникающими в сознании адресата ассоциациями и реакциями;
3. Эмотивы-экспрессивы – лексика, выражающая эмоциональную оценку;
4. Оказиональные эмотивы – группа слов, «нейтральных в языке, не имеющих узуально закреплённой эмотивной коннотации, но эксплицирующих таковую в составе диктемы» [Блох, Резникова, 2006: 15–16].

В данной работе мы объединим существующие классификации эмотивов и в ходе анализа лексических оценочных средств обратимся к многообразию эмотивной лексики:

- а) номинативам (называющим эмоции),
- б) аффективам (словам, служащим непосредственно для выражения эмоции и оценки – инвективам, междометиям и сленгизмам),
- в) коннотативам (имеющим оценку и эмоцию как коннотацию),
- г) экспрессивам (указывающим на высшую степень чувства или оценки),
- д) ассоциативам (словам, вызывающим у адресата положительные или отрицательные ассоциации).

Семантика оценки может быть представлена также единицами синтаксического уровня: предложением и высказыванием. Существует

разнообразная система синтаксических моделей, репрезентирующих высказывания с оценочной семантикой. Характер взаимодействия высказывания с контекстом, сферой произнесения здесь играет важную роль.

Т.В. Маркелова на основе анализа множеств высказываний, целью которых является экспликация оценки, выделила несколько структурных схем таких предложений:

- 1) Имя + имя, где наиболее продуктивны качественные прилагательные в краткой форме и деадъективы;
- 2) Инфинитив – инфинитив \ прилагательное \ деадъектив \ существительное \ категория состояния с оценочным значением;
- 3) Номинативные конструкции с грамматическим бытийно-оценочным значением;
- 4) Нечленимые предложения (“Ах!”, “Ох!”) и односоставные конструкции с оценочным предикатом – словом категории состояния;
- 5) Высказывания типа “Жизнь есть жизнь”, где констатируется соответствие объекта оценки норме, и др.» [Маркелова, 1993: 93].

Возможность выделения таких структурных типов предложений не говорит о том, что предложения, построенные по этим схемам, обязательно служат для экспликации оценки, однако помогает распознать в тексте оценочные высказывания.

Языковая оценка имеет в своей структуре субъект, объект, характер и основание, и каждый из этих элементов может быть выражен имплицитно. На основании степени представленности Т.В. Маркелова выделяет несколько типов оценочной ситуации:

1. Эгоцентрический тип, выводящий субъекта и его свойства на первый план (типа “Я считаю, что это хорошо”);
2. Объективный, где важнее становится сам объект и его свойства (типа “Этот человек – талантливый мастер”);
3. Предикативный, высокоэмоциональный, где опускаются все элементы, кроме характера оценки (типа «Гений!») [Маркелова, 1995: 67].

Также оценка в языке широко выражается на морфологическом уровне [Вольф, 1985; Маркелова, 1993]. Средствами оценивания здесь выступают словообразовательные аффиксы, прежде всего - уменьшительно-ласкательные суффиксы и суффиксы, придающие оттенок пренебрежения.

Оценка как коммуникативная цель может быть реализована в общении с помощью ряда речевых средств; оценочный тип выделяется исследователями среди типов речевого воздействия [Федорова, 1991: 47]. Средствами оценки могут выступать коммуникативные стратегии, тактики, приёмы.

Вслед за О.С. Иссерс мы понимаем под коммуникативной стратегией «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей, который включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс, 2008: 54].

Отмечая невозможность построения исчерпывающей классификации речевых актов, исследователь разграничивает общие и частные коммуникативные стратегии. Внутри общих возможно выделить:

С функциональной точки зрения:

1. Основные (семантические или когнитивные, среди них – стратегии дискредитации, подчинения);

2. Вспомогательные, куда входят:

а) Прагматические (стратегия построения имиджа, формирования эмоционального настроения);

б) Диалоговые (контроля над темой, контроля над инициативой);

в) Риторические (привлечения внимания, драматизации) [Там же: 104–108].

Речевые стратегии могут быть манипулятивными и неманипулятивными. Условием манипуляции является неосведомленность объекта манипуляции о воздействии на его сознание.

Под тактиками дискредитации О.С. Иссерс понимает «речевые действия, цель которых – подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах кого-либо» [Иссерс, 2008: 161].

Стратегия реализуется с помощью одной или нескольких речевых тактик – это «такое речевое действие, которое соответствует определенному этапу в реализации той или иной стратегии» [Копнина, 2008: 49]. В некоторых определениях тактики подчеркивается её делимость на более мелкие элементы: «речевую тактику можно определить как цепочку речевых ходов, используемых адресантом согласно набору собственных интенций и применяемых в процессе речевого общения для достижения конкретных целей в рамках стратегии общения» [Асадуллина, 2016].

Тактика как часть цепочки реализуется с помощью цепочки единиц более мелкого уровня, называемых приёмами – это «узкие, специализированные способы построения высказывания, в совокупности направленные на достижение заданной цели» [Руженцева, 2004: 26].

Оценка в языке выражается множеством способов, не все они на сегодняшний день до конца изучены, определены, систематизированы, классифицированы. Рассматриваются средства выражения оценки на всех языковых уровнях (лексическом, морфологическом, интонационном) и даже в экстралингвистическом аспекте.

Многоуровневый арсенал оценочных средств языка демонстрирует способность оценочного отношения проникать в каждый аспект жизни человека.

### 3.2. Лексические средства выражения оценки в дискурсе С.А. Алексиевич

Особым образом организуя художественное пространство своих текстов, Алексиевич присваивает размещаемым в книгах нарративам

оценочные подзаголовки, перемежает их со вставками (эпиграфами, фрагментами собственных воспоминаний как «рамкой»), предваряет их предисловием, завершает авторским послесловием, включает в текст «интервью с самой собой». Композиция каждой из книг цикла, как и степень авторского присутствия в них, неодинакова.

Так, приложением к книге «Время секунд хэнд» (2013) послужила беседа с Натальей Игруновой для журнала «Дружба народов», а к переизданию книги «Цинковые мальчики» (1989) 2013 года – материалы «суда над книгой». Мы анализируем все участки книг цикла «Голоса Утопии», где размещены тексты от лица автора. В них выражается авторское отношение к изображаемому.

В авторских предисловиях нередко присутствуют слова, называющие эмоции – эмотивы-номинативы:

«*Разочарование* пришло позже» [Время..., 2015: 9] (существительное разочарование, негативная оценка);

«*Я не любила* читать книги о войне, а написала три книги» [Цинковые..., 2007: 6] (глагол любить с частицей не, негативная оценка);

«*Нас так долго учили любить* человека с ружьём... *И мы его любили*» [Там же: 7] (глагол любить, положительная оценка);

«*Встречаются потрясающие* рассказчицы, у них в жизни есть страницы, которые могут соперничать с лучшими страницами классики» [У войны..., 2017: 11] (потрясающий, лучший – прилагательные, положительная оценка).

«*Я долго была книжным человеком, которого реальность пугала и притягивала*» [Там же: 8] (номинатив пугала, негативная оценка; коннотатив притягивала, положительная оценка).

Несмотря на то, что С.А. Алексиевич нечасто говорит о своих собственных чувствах открыто, примеры номинативных эмотивных единиц в её тексте найти не составляет труда. Отмечается присутствие эмотивов-



коннотативов в тексте, в которых эмоциональный компонент сопутствует основному значению слова.

*«Несомненно. что зло **соблазнительно**. Оно **искуснее** добра. **Притягательнее**»* [У войны..., 2017: 14]. (соблазнительно, искуснее, притягательное – коннотативы, оценочные прилагательные, гедонистически-эстетическая оценка).

Уже в приведенном примере ярко проявляется особенность эмоционально-оценочного дискурса автора: «негативный» объект – лексема с негативной коннотацией или языковое выражение антиценности (зло, война, смерть и т.д.) – часто характеризуется положительно.

*«Но согласитесь, что память и слово — очень **несовершенные** инструменты. Они **хрупки**, они **изменчивы**»* [Цинковые..., 2007: 9]. (несовершенный – коннотатив, прилагательное, общая негативная оценка; хрупкий, изменчивый – коннотативы, прилагательные, инструментально-телеологически-нормативная негативная оценка);

*«”Красный” человек так и не смог войти в то царство свободы, о которой мечтал на кухне. Россию разделили без него, он остался ни с чем. **Униженный и обворованный. Агрессивный и опасный**»* [Нобелевская..., 2015] (в данном контексте оценочные прилагательные, коннотативы униженный, обворованный, агрессивный, опасный передают негативную эмоциональную оценку);

*«Встречалась и разговаривала <...> с теми, для кого Чернобыль – основное содержание их мира, всё внутри и вокруг **отравлено** им, а не только земля и вода»* [Чернобыльская..., 2017: 33] (коннотатив отравлено, негативно оценочное причастие, сенсорно-эмоциональная оценка).

Зачастую носителями оценки автора становятся эмотивы-ассоциативы, вызывающие ассоциации положительного или отрицательного характера. Так, называя свою книгу «Время секунд хэнд», Алексиевич даёт оценку описываемой ей эпохе уже в названии, и средством оценки здесь является ассоциатив.

*«...Все идеи, слова — всё с чужого плеча, как будто вчерашнее, ношенное. <...> Пока, к сожалению, время секунд хэнд. Но мы начинаем приходить в себя и осознавать себя в мире. Никому же не хочется вечно жить на развалинах, хочется что-то из этих обломков построить»* [Время..., 2015: 503] (с чужого плеча, секунд хэнд, вчерашнее, ношенное – ассоциативы вызывают ассоциации с изношенной, старой одеждой (негативная оценка); развалины, обломки – оценочные существительные, отрицательная оценка);

*«"Красный" человек так и не смог войти в то царство свободы, о которой мечтал на кухне»* [Нобелевская..., 2015] (ассоциатив царство передаёт положительную оценку объекту «свобода»).

Немалая роль в системе оценочных средств индивидуального дискурса автора отводится эмоциям-экспрессивам.

*«Стало ясно: кроме коммунистических, национальных и новых религиозных вызовов, среди которых живём и выживаем, впереди нас ждут другие вызовы, более свирепые и тотальные, но пока ещё скрытые от глаза»* [Чернобыльская..., 2017: 19] (свирепый – экспрессив, прилаг, эмоциональная пейоративная оценка);

*«Чернобыль — это прежде всего катастрофа времени»* [Там же] (катастрофа – экспрессив, существительное, эмоциональная пейоративная оценка);

*«В этих рассказах проглядывал чудовищный оскал таинственного»* [У войны..., 2017: 10] (чудовищный – экспрессив, прилагательное; оскал – коннотатив, существительное, негативная эмоциональная оценка);

*«То было время, когда происходило много потрясающих вещей, мы опять куда-то яростно рванули»* [Там же: 23] (экспрессивы потрясающий, яростно, рвануть – эмоциональная оценка).

*«Разочарование в произошедшем огромнейшее»* [Время, 2013: 496] (номинатив разочарование, отрицательная оценка; экспрессив огромнейшее).

В дискурсе С.А. также встречаются и контекстуальные эмотивы – слова, получающие оценочную окраску, будучи погруженными в контекст.

*«Тогда и задумалась о смерти... И уже никогда не переставала о ней думать, для меня она стала главной тайной жизни. Всё для нас вело начало из того **страшного** и **таинственного** мира»* [У войны..., 2017: 7]. Здесь негативную эмоциональную оценку эксплицирует номинатив «страшного», а прилагательное «таинственное» в контексте рассказов автора об её детской увлеченности этой темой получает положительную окраску, становится синонимичным слову «привлекательное». Объединение положительной и негативной оценки одного объекта характерно для дискурса Алексиевич (ранее: «реальность пугала и притягивала» [Там же]) и служит также средством передачи художественного смысла: описываемые автором явления противоречивы, из противоречий состоит вся жизнь.

*«Цвели сады, радостно блестела на солнце молодая трава. Пели птицы. Такой **знакомый**... **знакомый**... мир»* [Чернобыльская..., 2017: 34]. Положительную эмоциональную тональность тексту задают положительно окрашенные ассоциативы и коннотативы (цвели, радостно блестела, молодая). В этом ряду положительную эмоциональную окраску получает прилагательное знакомый.

*«Вчера я шла по Бродвею – и видно, что каждый – **личность**. А идешь по Минску, Москве – ты видишь, что идет **народное тело**. Общее. Да, они переоделись в другие одежды, они ездят на новых машинах, но только они услышали **клич боевой** от Путина «Великая Россия», – и опять это **народное тело**...»* [Алексиевич, цит. по: Строганова, 2013]. В приведённом фрагменте встречаются два контекстуальных эмотива: личность (полож. оценка) и народное тело (отриц. оценка). Отрицательную оценочную тональность всему фрагменту текста задаёт использование иронии: «боевой клич».

Также для понимания того, почему «народное тело» как контекстуальный ассоциатив, апеллирующий к архетипической для русской

культуры идее соборности, единства народа, оказывается для русскоязычного автора негативно окрашенным, а соборность – антиценностью (как обезличенность), необходимо знакомство с широким корпусом текстов автора. Языковая оценка, являясь, как уже было сказано, физическим воплощением ценности, опирается на некую ценностную шкалу, которая может как в усреднённом виде быть характерна для целой общности, так и являться специфичной для конкретного человека. Особенности ценностной картины мира С.А. Алексиевич рассмотрены нами в рамках отдельного исследования [Побережных, 2017]. Для Алексиевич индивидуальность является ценностью, как и – в более широком смысле – отдельного человека, и именно с этой позиции она негативно оценивает современного «постсоветского» человека как носителя соборного, массового сознания.

Следует подробно остановиться на особенностях распределения оценочных знаков в дискурсе автора. Как нейтральная лексика становится оценочной в контексте, так и некоторые оценочные лексемы могут употребляться как нейтральные в индивидуальном дискурсе.

Так, описывая образ советского человека в книге «Время секунд хенд», автор актуализирует различные варианты его оценочных номинаций. Одной из этих номинаций является идеологема «Homo soveticus» («хомо советикус» / «гомо-советикус») – «человек советский». Это номинация с негативной коннотацией, которая в публицистике разных авторов часто используется в иронических контекстах, однако в дискурсе Алексиевич данное наименование употребляется в контекстах стилистически нейтральных:

*«Этот такой **особый** тип “хомо советикус”, он не ушёл. Он стал немножко **другой**. Но остались мощные родовые пятна. Сейчас последний бой, который даётся. Потом придёт другое идеологическое поколение и наверняка всё будет по-другому»* [Алексиевич, 2018].

Также в текстах автора возникает лексема «совок» - отрицательное по знаку оценки, презрительное название советского человека, а так же аффективы «быдло», «раб». В негативном значении номинацию «совок»

используют герои книги «Время секунд хэнд», но сам автор негативно оценивает эту номинацию, как и ироническое использование идеологемы «гомо советикус»:

*«Я никогда не поддерживаю слов «народ-быдло», “народ-раб». Это неточные слова. И даже я бы сказала, это нечестные слова»* [Алексиевич, цит. по: Свиридова, 2016]

Отмечается противоречивое отношение С. А. Алексиевич к лексеме «раб». Оценивая эту оценочную номинацию отрицательно, автор всё же использует её в своих текстах:

*«Человек не замечал своего рабства, он даже любил свое рабство»* [Время..., 2015: 7];

*«Помните, какие личности из [массы людей в 90-е годы] выходили, как поменялся воздух – куда-то исчезла эта рабская ментальность, казалось бы»* [Алексиевич, цит. по: Сокуров, 2015];

*«Сегодня их называют по-другому – романтики рабства. Рабы утопии»* [Нобелевская..., 2015] (здесь в оксюморонное сочетание «романтики рабства, «рабы утопии» лексема раб входит с оттенком отрицательной оценки).

Другие особенности оценочного дискурса автора раскрываются при рассмотрении типов оценки. В дискурсе Алексиевич ведущая роль отводится эмоциональной оценке – это наиболее частотный её тип в тексте.

Например, так Алексиевич оценивает главный объект своего художественного исследования – «красного» человека:

*«Я думаю, это очень сложный человек. Я хочу сразу сказать, что он пугал меня, когда я работала — я же живу среди него и жила очень большую часть своей жизни. Иногда я им восхищалась, потому что он во многих вещах был велик. То есть, бедный страшный красный человек»* [Алексиевич, цит. по Строганова, 2013]. В этом небольшом насыщенном эмоциональной лексикой фрагменте присутствуют эмотивы-номинативы (пугал, восхищалась – оценочные глаголы; бедный, страшный – оценочные

прилагательные); эмотивы-коннотативы (велик – прилагательное в кр. ф.; эмоционально-этическая положительная оценка или оценка степени важности). Обобщающей характеристикой для «красного» человека является нейтральное по оценочному заряду прилагательное «сложный».

*«Война — это **тяжёлая** работа, постоянное **убийство**, человек все время вертится возле смерти»* [Цинковые..., 2007: 7] (коннотатив тяжёлая, прилаг, психолого-интеллектуальный вид оценки; убийство – ассоциатив, существительное).

Обнаруживается множество контекстов, демонстрирующих экспликацию нормативного типа оценки. Особенно часто они встречаются в книге «Цинковые мальчики».

*«Можно ли назвать **нормальной** солдатскую жизнь в казарме, исходя из божественного замысла?»* [Там же: 8] (нормальной - коннотатив, прилагательное, полож. нормативная оценка);

*«Кажется, что все **сошли с ума**, оглядываешься — мир вокруг вроде бы **нормальный**»; «Один **нормальный** человек был среди нас»; «Разве **нормальный**, а не **безумный** человек может смотреть по телевизору и слушать каждый день по радио об убийстве?»* (сошли с ума – оценочный фразеологизм; нормальный – коннотатив, прилаг, полож. нормативно-интеллектуальная оценка, безумный – экспрессив, прилаг, отриц. интеллектуальная оценка) [Там же: 5].

*«И когда мне надо было написать, как после взрыва итальянской мины, **красивой**, как игрушка, от человека остаётся полведра мяса, я колебалась — надо или не надо это писать?»* (красивой – коннотатив, прилаг., полож. эстетическая оценка) [Там же: 10].

Присутствуют также следующие виды оценки:

а) интеллектуальная:

*«**Интереснее** всего в те первые дни было разговаривать не с учеными, не с чиновниками и военными с большими погонами, а со старыми*

*крестьянами*» [Чернобыльская..., 2017: 33] (интереснее – положительно оценочное прилагательное в превосходной степени).

б) этическая:

«*Что-то есть безнравственное в разглядывании чужого мужества и риска*» [Цинковые..., 2013: 19] (безнравственное – коннотатив, негативная оценка);

«*Тут я поняла, что человеческая мысль может быть очень жестока*» [Цинковые..., 2013: 19] (жестока – коннотатив, негативная оценка).

в) гедонистическая:

«*Но это будет потом, а тогда все были опьянены воздухом свободы*» [У войны..., 2017: 23] (опьянены – коннотатив, положительная оценка)

и другие виды, рассмотренные нами ранее.

Оценочная и эмоциональная лексика нередко присутствует в названиях разделов книг: «*О куклах и винтовках*», «*О безмолвии ужаса и красоте вымысла*», «*О корзинке с миной и плюшевой игрушке*» [У войны..., 2017: 346-347]; «*Утешение апокалипсисом*», «*Обаяние пустоты*», «*О сладости страдания*», «*О красоте диктатуры*» [Время..., 2015: 509] и т.д. В названии практически каждого раздела книги «Время секунд хэнд» оказалось отражено авторское эмоциональное отношение. При этом продуктивным приёмом оказывается использование оксюморона – в рамках одного словосочетания объединяются лексемы с противоположным оценочным зарядом: «обаяние пустоты», «сладость страдания», «улыбка топора» и т.д. Создавая такие оксюморонные конструкции, автор подчеркивает сложность и противоречивость явлений, им исследуемых.

Частое использование оксюморона в книге «Время секунд хэнд» соотносится с авторской противоречивой оценкой советского периода в целом («советской цивилизации»):

«*Они (самоубийцы – И. П.) не смогли уйти из великой истории, распрощаться с ней, быть счастливыми иначе*» [Время..., 2015: 9] – положительная оценка;

*«Это единственный способ загнать **катастрофу** в рамки привычного и попытаться что-то рассказать» [Там же: 11].*

*«...Я очень часто восхищалась этими людьми, этой силой духа, этим желанием жить так, чтобы горели глаза. Хотя я понимала, сколько крови все эти горящие глаза принесли, этот фанатизм. Как это опасно – любая надличностная идея. Удержаться трудно. И все-таки я говорю – хорошая человеческая порода» [Алексиевич, цит. по: Векслер, 2013].*

Лексическая оценка здесь выражена номинативами восхищаться, хороший; коннотативами фанатизм, опасно; ассоциативами горящий, кровь, гореть, порода. В пределах одного текста присутствуют эмотивы с противоположными оценочными знаками, характеризующие объект оценки.

Часто используя оксюморонные сочетания в названиях разделов, С. Алексиевич только один раз использовала этот приём в заглавии книги («Зачарованные смертью»).

В книгах цикла «Голоса Утопии» редко встречаются эмотивы-аффективы, призванные выражать оценку наиболее открыто (автор никогда не использует инвективную, обценную лексику, не используются аффективные междометия). Это можно объяснить авторской установкой на приглушение степени оценки, попыткой выдержать роль «наблюдателя», третьей стороны. Организовывая художественное пространство текста, Алексиевич старается минимизировать присутствие собственного «голоса» в книге: так, например, в переиздании книги «Цинковые мальчики» 2013 года уже отсутствовало предисловие автора «Вечный человек с ружьём» из первоначальной версии книги. Другие книги тоже подвергались переработке от издания к изданию.

Проявление стремления автора снизить степень оценочности в своих книгах можно проиллюстрировать на примере фразы, первоначально прозвучавшей в авторском предисловии сборника «Зачарованные смертью» (1994), не вошедшего в цикл «Голоса утопии» и позднее полностью переработанного для внедрения в текст книги «Время секунд хэнд».



*«Одни утверждают, что это **трагический** и **прекрасный** человек, другие с **холодным отчуждением** нарекли его "совком"» [Зачарованные..., 1994 : 5];*

*«Одни считают, что это **трагический** персонаж, другие называют его «"совком"» [Время..., 2015: 7]*

В первом варианте мы видим шесть эмоционально и оценочно насыщенных лексем: экспрессив **трагический** (эмоциональная пейоративная оценка), коннотативы **прекрасный** (эстетическая мелиоративная оценка), **холодный** (эмоционально-гедонистическая пейоративная оценка), **отчуждение** (эмоциональная пейоративная оценка), **аффектив** **совок** (пейоративная оценка). Во втором варианте остались только две оценочные лексемы, это в три раза меньше, чем в предыдущей версии.

Перерабатывая, в частности, эту плотно насыщенную эмотивностью фразу для использования в новой книге, Алексиевич сознательно избавилась практически от всех эмоционально и оценочно окрашенных слов, а также заменила книжную лексику на стилистически нейтральную (**нарекли** – **называют**, **утверждают** – **считают**). Это было сделано с целью снизить степень авторского отношения к тому, о чём повествуется в книге.

### 3.3. Синтаксические средства выражения оценки в дискурсе С.А. Алексиевич

На синтаксическом уровне выражается эмоциональная оценка. Средствами оценки здесь выступают вопросительные и восклицательные конструкции, а так же другие конструкции, служащие для выражения эмоций говорящего.

Среди высказываний Алексиевич встречаются синтаксические конструкции разных типов, соответствующие различным оценочным ситуациям:

а) эгоцентрического типа:

«Мне это **интересно**» [Цинковые..., 2013: 31] (интересно – интеллектуальная положительная оценка);

«Для меня это мучительные вопросы» [Там же] (мучительные – эмоциональная пейоративная оценка).

б) объективного типа:

«Чернобыль — это прежде всего **катастрофа** времени» [Чернобыльская..., 2017: 41];

в) предикативного типа:

«**Счастливое** время!» [Время..., 2015: 21].

Здесь проявляется особенность дискурса автора: конструкции предикативного типа встречаются наименее часто. С. А. Алексиевич почти не использует такие конструкции потому, что они служат для оформления наиболее эмоциональных высказываний.

Среди структурных типов конструкций обнаружилась конструкция «имя-имя: «Война — это тяжёлая работа, постоянное убийство, человек все время вертится возле смерти» [Цинковые..., 2013 (оценка выражается с использованием конструкции типа «имя+имя», представлен объективный тип оценочной ситуации). Отсутствуют номинативные конструкции, нечленимые междометные предложения, высказывания типа «А есть А» и т.д., которые более присущи устной речи.

Средством выражения и усиления оценки оказываются риторические восклицания и вопросы:

«Можно ли назвать нормальной солдатскую жизнь в казарме, исходя из божественного замысла?» [Цинковые..., 2013: 184].

Самый редкий в текстах С. Алексиевич знак - сочетание восклицательного и вопросительного (?!), выражающий крайнюю степень удивления или возмущения.

«В стране, в которой Сталин уничтожил людей не меньше, чем Гитлер, новый культ Сталина?!» [Время..., 2015: 25] – единственный случай

употребления знака в книге «Время секунд хэнд». Здесь он служит для выражения и усиления резко негативной оценки фигуры Сталина.

«Выступал генерал... Все те же слова, что и десять, и пятьдесят, и сто лет назад: о наших границах, о великой России, о мести, о ненависти, о долге. О долге убивать?!» [Цинковые..., 2013: 31].

С.А. Алексиевич часто использует многоточия (в книге «Время секунд хэнд» этот знак использован 7521 раз, в то время как точка – 11229). На наш взгляд, многоточие в тексте Алексиевич выполняет целый ряд функций, как традиционно присущих этому знаку в русском языке, так и специфических для автора:

1) **Передача темпа устной речи (экспрессивная функция).** Материал книг Алексиевич – записанные интервью с людьми. Усиливая паузы, Алексиевич сохраняет исходный ритм рассказа, демонстрирует своё стремление создать атмосферу личной беседы, передавая особенности речи нарратора.

2) **Передача эмоционального состояния (эмотивная функция).** Часто используя многоточия при редактировании стенограмм записанных интервью, автор передаёт эмоциональное состояние нарратора, а используя его в собственноручно написанных фрагментах – своё собственное.

«Я даже по ночам крови боюсь... Боюсь своих снов... Мне теперь на жука жалко наступить...» [Цинковые..., 2013: 22]. Многоточие помещается после каждой фразы нарратора, чем передаётся его эмоциональное состояние – подавленность, печаль, задумчивость.

3) **Экспликация или усиление оценки (оценочная функция).** Многоточиями Алексиевич часто выделяет фрагменты текста, призванные произвести сильное впечатление на читателя. Такие фрагменты также помещаются в конец абзаца как в сильную позицию в тексте.

«Мы прощаемся с советским временем. С той нашей жизнью. Я пытаюсь честно выслушать всех участников социалистической драмы...» [Время..., 2015: 5]. Здесь многоточие выделяет, во-первых, конец абзаца, во-

вторых – оценочное существительное, коннотатив драма (эмоциональная пейоративная оценка), задерживая на этом фрагменте внимание читателя.

4) **Актуализация художественных смыслов.** Автор показывает аморфность и открытость времени и человеческой истории, говорит о невозможности завершения опубликованных нарративов, об их текучести.

«Поставишь точку, а она тут же превращается в многоточие...» [У войны..., 2017: 23].

Анализ функционирования этого пунктуационного знака в оценочном аспекте осложняется тем, что материалом для такого исследования могут послужить только тексты, приготовленные к публикации лично автором (тексты цикла «Голоса утопии»); в интервью же эти смыслы не передаются. Убедительные выводы об использовании этого знака в качестве оценочного средства можно было бы сделать при условии доступа к исходным аудиозаписям интервью, на основе которых создавались тексты книг Алексиевич.

#### 3.4. Речевые тактики экспликации оценки в дискурсе С.А. Алексиевич

Установка автора выдерживать нейтральный тон повествования привела к тому, что в текстах оценочные средства языка используются экономно. Однако это не означает, что С.Алексиевич действительно занимает нейтральную позицию по отношению к описываемым фактам, людям и событиям. Реальное отношение автора к советскому прошлому становится понятным в результате лингвопрагматического анализа, направленного на выявление речевых тактик экспликации оценки.

На основе анализа языкового материала мы полагаем, что на страницах своих книг автор следует коммуникативной стратегии дискредитации советского человека, реализуя её посредством множества речевых тактик.

##### а) Тактика дискредитирующего нарратива

В тексте книги «Цинковые мальчики» часто реализуется тактика дискредитирующего нарратива, которая заключается в достижении цели дискредитации образа воина-афганца путём рассказа о шокирующих читателя деталях:

*«Кто расскажет, как перевозили наркотики в гробах? Шубы? Вместо убитых... Кто вам покажет ниточку засушенных человеческих ушей? Уже слышали или новая информация? Боевые трофеи... Хранили в спичечных коробочках... Они скрючивались в маленькие листочки... Не может быть? Неловко слушать о славных советских парнях?»* [Цинковые..., 2013: 150–151] – рассказ, в котором на первый план выдвинуты негативные шокирующие факты, создаёт в сознании читателя образ сумасшедшего человека без моральных принципов.

*«Прихожу раз домой: за столом -- четверо незнакомых ребят. Они жили у нас неделю. Не считала, но, думаю, ящичка три водки выпили. Они говорили, что, когда сидели в засаде по две недели, им давали стимуляторы, чтобы были смелее. Но это все в тайне хранится. "Ой, – говорила я себе, – они все какие-то сумасшедшие. Все ненормальные"»* [Там же: 7] – рассказ, в котором акцентируются факты распития героями водки и употребления наркотиков, создаёт образ «ненормального», одержимого наркомана.

*«Мой разговор о смерти не вызывал у них особенных чувств, таких чувств, какие любое убийство обычно вызывает у нормального человека, не видевшего кровь. Они говорили о войне, как о работе, где надо убивать. Меня интересовало, я уже на этом застолбилась: было ли им страшно? Что они испытывали при виде смерти? Нет, им ничего не было страшно, у них даже чувство жалости притуплено. Разорванные... Расплющенные... Черепа, кости... Похороненные под землей целые школы... А они вспоминали и рассказывали о другом; какие богатые винные склады откапывали, какой коньяк, какое вино пили. Шутили: пусть бы еще где-нибудь 34 тряхануло. Но чтобы в теплом месте, где виноград растет и делают хорошее вино... Они что – здоровые? У них нормальная психика?»* [Там же: 12] – даётся

характеристика воина-афганца как человека с больной психикой, пьяницы и безжалостного убийцы.

Приём представления читателю оценочного текста иногда оказывается вариантом реализации **манипулятивной тактики ухода от ответа**: избегая открытого выражения собственного мнения, Алексиевич предпочитает привести «инородный» текст, призванный характеризовать объект оценки. Это может быть цитата исторической личности, рассказ из жизни, фрагмент текста нарратора и т.д.

#### **б) Тактика нагнетания негативной информации**

Мы полагаем, что тактика нагнетания негативной информации реализуется в пределах всего текста книги «Цинковые мальчики». Целью С. А. Алексиевич оказывается дегероизация, дискредитация образа советского солдата, участника войны в Афганистане, акцентирование внимания на самых этически неоднозначных эпизодах военного опыта каждого нарратора. Используя приём апелляции к чувствам читателя в качестве своего основного инструмента, Алексиевич насыщает все свои книги текстами с отрицательной оценочностью. Рассматриваемая тактика относится к манипулятивным.

Заметно меньшее место в книгах цикла занимают тексты с положительной оценочностью, отсутствуют развёрнутые (многостраничные) тексты, для которых характерен оптимистичный тон повествования и преобладание маркеров положительной оценки: как правило, присутствуют только обрывки речи безымянных прохожих или короткие тексты. Больше всего внимания положительно заряженным текстам отведено в книге «Время секунд хэнд».

#### **в) Тактика подавления положительной информации (столкновения противоположных мнений)**

Предоставляя время от времени нарративы, в которых нарратор положительно оценивает то, о чём он говорит, С. А. Алексиевич старается компенсировать эту положительную оценку отрицательной. В книге «Время секунд хэнд» рассказы нарраторов композиционно перемежаются со скабрёжными частушками, анекдотами:

*«Хотели построить Царство Божие на земле. Красивая, но несбыточная мечта, человек еще к этому не готов. Не совершенен он. Ну да... Но от Пугачева и декабристов... до самого Ленина... все мечтали о равенстве и братстве. Без идеи справедливости будет другая Россия и другие люди. Совсем другая будет страна. Мы еще не переболели коммунизмом. Не надейтесь. И мир не переболел. Человек всегда будет мечтать о Городе Солнца. Он еще в шкуре ходил, в пещере жил, а уже хотел справедливости. Вспомните советские песни и советские фильмы... Какая там мечта! Вера... “Мерседес” — это не мечта...*

*Из анекдотов, рассказанных внуком*

*Тридцать седьмой год... Два старых большевика в камере. Один говорит: “Нет, не доживем мы до коммунизма, но наши дети...”. Второй: “Бедные наши дети!”» [Там же: 176].*

После текста нарратора, в целом окрашенного положительной оценкой, С. Алексиевич помещает текст с прямо противоположным оценочным смыслом. Как замечают все исследователи и читатели «Времени секунд хэнд», Алексиевич последовательно сталкивает противоположные мнения, разные полюса в этой книге. Однако именно этот приём неоднократно используется, как нам представляется, для выражения собственного отношения к описываемому.

Похожим образом в следующем фрагменте текста в ответ на положительную оценку нарратором русского народа автор предлагает отрицательную, размывая её авторство:

*«...Еще у меня был молодой парень... Полицейские поймали его где-то в Подмоскowie, отобрали деньги, но денег было мало. Разозлились. Вывезли в*

*лес. Избили. Зима. Мороз. Они его раздели до трусов... Ха-ха-ха... Порвали все его документы... И он мне все это рассказывает. Спрашиваю: “Как же ты спасся?” — “Я думал, что я умру, я бежал босиком по снегу. И вдруг, как в сказке, вижу избушку. Постучал в окошко, выходит старик. И этот старик дал мне козюх, чтобы я согрелся, налил чаю и дал варенья. Дал одежду. Назавтра отвел в большое село и нашел грузовик, который довез меня до Москвы”.*

*Этот старик... это тоже Россия...*

*<...>*

*В московских квартирах*

*— Понаехали тут... Добрая (ирония – И. П.) русская душа...*

*— Русский народ вовсе не добр. Это глубокое заблуждение. Жалостлив, сентиментален, но не добр. <..>*

*— Это рабы. Современные рабы. Все их имущество — х... и кеды. У них на родине еще хуже, чем в самом гнилом московском подвале.*

*— Попал медведь в Москву и перезимовал. Питался гастарбайтерами. Кто их считает... Ха-ха-ха...» [Там же: 412-413].*

В приведенном отрывке Алексиевич предлагает альтернативный взгляд на «доброту» русского человека, вспоминая и приводя в книге услышанные на улицах обрывки фраз и небольшие насыщенные оценочностью тексты.

Тактика столкновения полярных мнений или противоположных оценок одного объекта в близких контекстах тесно взаимосвязана с особенностью экспликации оценки у Алексиевич на лексическом уровне, где в одном контексте сталкиваются противоположно заряженные лексемы.

#### **г) Тактика шокирующего цитирования**

В предисловии к книге «Время секунд хенд» С. Алексиевич последовательно, на одной странице, приводит малоизвестные цитаты исторических лиц, причастных к свершению революции в России. Их содержание призвано шокировать читателя:



«После перестройки все ждали, когда откроют архивы. Их открыли. Мы узнали историю, которую от нас скрывали...

“Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожить” (Зиновьев, 1918).

“Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не меньше 1000 завязтых кулаков, богатеев... отнять у них весь хлеб, назначить заложников... Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал...” (Ленин, 1918).

“Москва буквально умирает от голода» (профессор Кузнецов — Троцкому). — «Это не голод. Когда Тит брал Иерусалим, еврейские матери ели своих детей. Вот когда я заставлю ваших матерей есть своих детей, тогда вы можете прийти и сказать: “Мы голодаем”” (Троцкий, 1919)» [Время..., 2015: 9].

Представление этих шокирующих текстов на одной странице является приёмом воздействия на читателя; цитаты становятся самостоятельным средством оценки. Они разоблачают безжалостность авторов, их жестокость. Такой приём характерен для С. А. Алексиевич как для писателя, работающего в жанре документальной прозы: главным средством оценки становится предоставление насыщенного эмотивностью документа с минимальным комментарием.

#### **д) Тактика сближения с адресатом**

Рассказывая историю «красного человека», автор говорит о своей принадлежности этой категории:

*«Мне кажется, я знаю этого человека, он мне хорошо знаком, я рядом с ним, бок о бок прожила много лет. Он — это я. Это мои знакомые, друзья, родители. Несколько лет я ездила по всему бывшему Советскому Союзу, потому что homo soveticus — это не только русские, но и белорусы, туркмены, украинцы, казахи... Теперь мы живем в разных государствах,*

*говорим на разных языках, но нас ни с кем не перепутаешь. Узнаешь сразу! Все мы, люди из социализма, похожие и не похожие на остальных людей — у нас свой словарь, свои представления о добре и зле, о героях и мучениках»* [Время..., 2015: 5].

В то же время ценностная картина мира Алексиевич базируется на противоположных «красным» ценностям [Побережных, 2017: 56]. Из этого следует, что приведенные высказывания могут оказаться вариантом реализации манипулятивной тактики сближения с адресатом, аудиторией, или тактики «надевания маски».

#### **е) Тактика создания негативного образа нарратора**

Тактика создания непривлекательного имиджа участника коммуникации.

*«Недалеко от Красной площади я наблюдала такую картину: двое молодых людей стояли с плакатом: "Прохожий! Сколько детей, братьев, соседей ты готов похоронить, чтобы Крым стал частью России?" <...> Какие-то мужики с распахнутыми полушубками и массивными крестами на груди привели омоновцев: "Заберите этих юродивых в участок, а то мы им суд Линча устроим". Подъехал полицейский автозак и ребят увезли...»* [Алексиевич, 2015];

*«Я — патриот... Дайте мне высказаться. — Подходит мужчина в распахнутой дубленке с массивным крестом на груди. — Мы живем в самое позорное время нашей истории. <...> России нужна крепкая рука. Железная. Надсмотрщик с палкой. Так что — великий Сталин! Ура! Ура!»* [Время..., 2015: 233].

В приведенных отрывках авторская оценка выражена завуалировано. Здесь реализуется манипулятивная тактика создания негативного образа рассказчика через гротескно-утрированную передачу речи, внешнего вида: приводится ироническая портретная характеристика нарратора, транслирующего элементы чуждой автору аксиосферы.

Итак, в текстах С. Алексиевич в процессе лингвопрагматического анализа были выявлены такие речевые тактики, как: тактика дискредитирующего нарратива, нагнетания негативной информации, подавления положительной, сближения с адресатом, создания негативного образа рассказчика. Можно сделать вывод о том, что автор последовательно придерживается стратегии дискредитации людей, событий, явлений советской эпохи.

### ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Оценочный фонд языка – это система морфологических, лексических, синтаксических, функциональных средств оценки. Светлана Алексиевич на страницах своих книг использует весь арсенал оценочных средств: присутствует оценочная лексика, фразеология; используются синтаксические и образные средства оценки; прослеживаются лингвопрагматические приёмы выражения авторской позиции.

На лексическом уровне оценка выражена коннотативами, ассоциативами, экспрессивами; самые частотные типы оценки – эмоциональная, этическая, нормативная. Зачастую используется нейтральная лексика, получающая эмоционально-оценочную окраску в контексте. Часто используется оксюморон как стилистический приём, заключающийся в объединении противоположно заряженных эмотивов в одном словосочетании.

Отмечается использование синтаксических средств – восклицательных и вопросительных конструкций. Особо эмотивно нагружен знак многоточия – он служит для выражения эмоционального состояния автора, а так же служит добавочным средством усиления оценки.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последовательно решив в ходе исследования все задачи в рамках поставленной цели, мы пришли к следующим выводам:

Субъектоориентированность антропоцентрической парадигмы современного языкознания выдвинула на первый план проблемы, связанные со взаимоотношением человеческого сознания и языка. Одной из ключевых проблем лингвистики стала проблема языковой оценки и взаимоотношения языка и ценностей.

Ценностная проблематика волновала учёных с античных времён, каждый новый социально-культурный кризис давал толчок к теоретическому осмыслению ценностного отношения человека к миру. Первоначально развиваясь в пределах философии бессистемно, учение о ценностях к XX веку отделилось от неё в самостоятельный раздел: аксиологию.

Современное состояние гуманитарной науки характеризуется стремлением к междисциплинарности проводимых исследований. Объект исследования языкознания расширяется, и проведение антропоцентричного исследования становится невозможным без привлечения методов и терминологического аппарата одной или нескольких гуманитарных дисциплин. На стыке аксиологии и лингвистики, таким образом, возникла наука лингвоаксиология (лингвистическая аксиология, аксиологическая лингвистика).

Ключевыми понятиями лингвоаксиологии становятся ценность и оценка. Языковая оценка понимается как отношение говорящего к тому, что он описывает в речи. Существует множество подходов к исследованию этого феномена, не ограничивающихся лингвоаксиологическим направлением. Лингвоаксиологический подход направлен на изучение оценочных средств языка, которые представляют собой многоуровневую систему.

С.А. Алексиевич, тексты которой послужили материалом исследования, концентрирует своё внимание на экстремальных точках в

человеческой истории или истории советского государства. В фокусе её внимания оказывается война, техногенная и социальная катастрофы. Алексиевич описывает и оценивает «красного человека» - типичного жителя СССР. Творчество автора противоречиво оценивается в литературно-критической среде в связи с острой политической направленностью её текстов. Звучат обвинения в фальсификации документальных свидетельств, интенции к дискредитации советского народа и истории, что обуславливает необходимость тщательного лингвистического анализа автора прежде всего в оценочном аспекте.

Работая в документальном жанре, Алексиевич заявляет о своей установке на редукцию оценочности в книгах. Проведенный анализ аксиологического пространства текста показал, что в авторском дискурсе на страницах цикла «Голоса утопии» используются средства экспликации оценки всех уровней.

На лексико-фразеологическом уровне выявлено и проанализировано множество оценочных лексем. Преобладающий тип оценки – эмоциональная, этическая, нормативная. В текстах интервью лексическая оценка представлена значительно шире.

Нами выделено несколько особенностей экспликации оценки на лексическом уровне в дискурсе С.А. Алексиевич:

1. Использование эмотивов-коннотативов и ассоциативов на фоне отсутствия аффективов и редкого присутствия номинативов – носителей наиболее ярковыраженной оценки.

2. Использование контекстуальных эмотивов – нейтральной лексики, получающей знак оценки в определенном контексте (личность, народное тело, знакомый и др.); а так же снятие знака оценки в некоторых оценочно заряженных лексемах (хомо советикус, совок).

3. Противоречивость или двойственность эмоционально-этической оценки одного и того же объекта, использование оксюморона (рабы утопии, зачарованные смертью, сладость страдания и др.).

Выявлены и проанализированы способы выражения оценки на синтаксическом уровне. Несмотря на низкую эмоциональность дискурса автора в ходе лингвистического анализа удалось обнаружить различные виды и типы оценочных конструкций. Особым эмотивным знаком для рассматриваемого нами автора оказалось многоточие. Оно выполняет ряд функций в тексте: экспрессивную (передаёт темп устной речи), эмотивную (передаёт эмоциональное состояние), оценочную (усиливает лексическую оценку или вносит оценочный оттенок) и художественную (служит средством передачи художественных смыслов).

В связи с открытой установкой автора на снижение своего присутствия в тексте, важное место среди оценочных средств занял коммуникативно-прагматический уровень, на котором реализуются скрытые приёмы оценивания. Оценка выражена на структурном уровне: эпиграфы, заглавия, вставные тексты, разоблачающие позицию нарратора.

На наш взгляд, в тексте автор следует коммуникативной стратегии дискредитации, реализуя внутри неё тактики нагнетания негативной информации, дискредитирующего нарратива, создания негативного образа рассказчика, тактику надевания маски и другие. Особым образом размещая нарративные тексты в книге, автор ведёт внутренний диалог с читателем, заставляя его задуматься об окружающем его мире, о времени и о своем месте в нем, а также выражает собственную оценку описываемому.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акинина Н.М. Социальная оценка как компонент значения слова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 76–1. С. 21–26.
2. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: Сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. 310 с.
3. Алексеева В.Е. Эстетическая оценка в мире языковой личности: на материале творчества Л.Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2009. 172 с.
4. Алексиевич С.А. Время секунд хэнд. М.: Время, 2015. 512 с.
5. Алексиевич С.А. Зачарованные смертью. М.: Слово, 1994. 365 с.
6. Алексиевич С.А. У войны не женское лицо. М.: Время, 2017. 352 с.
7. Алексиевич С.А. Цинковые мальчики. М.: Время, 2013. 320 с.
8. Алексиевич С.А. Человечная Швеция Светланы Алексиевич [Электронный ресурс]. URL: [goo.gl/keScpp](http://goo.gl/keScpp) (дата обращения: 20.04.2018).
9. Алексиевич С.А. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. М.: Время, 2017. 304 с.
10. Алексиевич С.А. О проигранной битве. Нобелевская лекция [Электронный ресурс]. 2015. URL: [http://www.nobelprize.org/nobel\\_prizes/literature/laureates/2015/alexievich-lecture\\_ru.html](http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/2015/alexievich-lecture_ru.html) (дата обращения: 10.05.2017).
11. Алексиевич С.А. Светлана Алексиевич: Коллективный Путин [Интервью изданию «Новая газета». Электронный ресурс]. 2015. URL: [goo.gl/SXuwAc](http://goo.gl/SXuwAc) (дата обращения: 20.04.2018).
12. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2010. 224 с.
13. Андрияшина М.С. «Аксиологическая оценка» как один из базовых концептов лингвокультурологии и теории культуры // Мир науки, культуры, образования. № 3 (22). 2010. С. 54–58.



14. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
15. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
16. Асадуллина И.В. Речевые стратегии и тактики как функциональная основа эффективного диалога // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. XL междунар. студ. науч.-практ. конф. № 3 (40). 2016. URL: [https://sibac.info/archive/guman/3\(40\).pdf](https://sibac.info/archive/guman/3(40).pdf) (дата обращения: 19.06.2018).
17. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Советская Энциклопедия, 1969. 608 с.
18. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Иностранная литература, 1961. 543 с.
19. Беляев А.А. Эстетика: Словарь. М.: Политиздат, 1989. 447 с.
20. Блох М.Я., Резникова Н.А. Средства эмоционального воздействия политических выступлений // Вестн. Томского гос. педагог. ун-та. 2006. № 9. С. 14–19.
21. Бударагин М. Светлана Алексиевич знает, как и над кем нужно плакать [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://vz.ru/culture/2015/10/8/771306.print.html> (дата обращения: 20.04.2018).
22. Гневашева В.А., Селиверстова Н.А. Аксиология \ Энциклопедия «Социология молодежи» [Электронный ресурс]. URL: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/youth/344-obrazovatel'naya-socializaciya.html> (дата обращения: 16.05.2018).
23. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000. 308 с.
24. Векслер Ю. Прощание с красным человеком [Электронный ресурс]. 2013. URL: <https://www.svoboda.org/a/25107612.html> (дата обращения 29.03.2018).

25. Вендина Т.И. Семантика оценки и её манифестация средствами словообразования // Славяноведение. М., 1997. № 4. С. 41–49.
26. Вестфальская А.В. Оценка и коннотация: современные подходы // Язык и текст. М., 2015. Т. 2, № 3. С. 3–11.
27. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
28. Юзефович Г.Л. Голос Светланы Алексиевич: Галина Юзефович – о новом нобелевском лауреате по литературе [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://meduza.io/feature/2015/10/08/golos-svetlany-aleksievich> (дата обращения: 12.05.2018).
29. Галкина-Федорук Г.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Профессору Московского Университета академику В.В. Виноградову (сб. ст.). М.: Изд-во МГУ, 1958. С. 103–104.
30. Гибатова Г.Ф. Аксиология в языке // Вестник ОГУ. 2011. № 2 (121). С. 127–132.
31. Головня М.В. Средства выражения оценки в поэтическом языке А. Т. Твардовского: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2010. 184 с.
32. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 396–405.
33. Горячев А.А. Стратегии создания рекламного образа // Коммуникативные исследования 2009: Виды коммуникации. Обучение общению: Продолжающееся научное издание / Науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2010. С. 28–41.
34. Данилова Р.Р. Категория оценки как способ выражения антропоцентризма в лингвистике // Вестник ТГГПУ. 2011. № 23. С. 137–139.
35. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2: Методы анализа текста / под ред. Ю. В. Ванникова. М.: ВЦП, 1982. 288 с.

36. Дьякова Е. Светлана Алексиевич: Почему мы такие? Известный писатель о своей новой книге «Время секунд хэнд» и опыте 1990-х [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2013/08/27/56075-svetlana-aleksievich-rochemu-my-takie> (дата обращения: 03.05.2018).
37. Иванова В.Ф. Мироззренческая оценка и научный поиск / В. Ф. Иванова // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. М., 1981. № 1. С. 24–31.
38. Ивин А.А. Логика: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Знание, 1998. 240 с.
39. Ивин А.А. Основания логики оценок. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. 230 с.
40. Ивин А.А. Философия: Энциклопедический словарь М.: Гардарики. 2004. 1072 с.
41. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 392 с.
42. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
43. Карасик В.И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика. 2014. № 1. С. 65–75.
44. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166–205.
45. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20.
46. Карасты Р. После времени. Разговор с самим собой о книге Светланы Алексиевич «Время секунд хэнд» [Электронный ресурс] // Звезда, 2014. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2014/6/kar.html> (дата обращения: 10.04.2017).
47. Квашина В.В. Оценочность как языковая категория в современной лингвистике // Краснодар: ИСОМ. 2013. № 5. С. 250–255.

48. Квашина В.В. Проблемы аксиологии в современном языкознании // Вестник Челябинского Государственного педагогического университета. Челябинск, 2013. № 2. С. 181–189.
49. Клушина Н.И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 9. Воронеж, 2011. С. 26–33
50. Кожевникова П.А. Николаева. М. Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 751 с.
51. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учебное пособие. М.: Флинта, 2008. 176 с.
52. Костяшина Е.А. Экспликация ценностной картины мира в коммуникативной модели «Автор адресат» (на материале гляцевых журналов) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2012. №4 (8). С. 23–31.
53. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
54. Крылов В.Н. «Документ должен жить по законам искусства» (история «Домашнего» социализма в книге Светланы Алексиевич «Время second-hand») [Электронный ресурс] // Вестник ТГГПУ. 2014. № 3 (37). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dokument-dolzhen-zhit-po-zakonom-iskusstva-istoriya-domashnego-sotsializma-v-knige-svetlany-aleksievich-vremya-second-hand> (дата обращения: 04.06.2017).
55. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.
56. Кубрякова К.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебряников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалов и др.; отв. ред. Б. А. Серебряников. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
57. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1996. 381 с.

58. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. Гл. ред. В. Н. Ярцева. 1990. 688 с.
59. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986. 227 с.
60. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
61. Максимюк Я. «Слава богу, что люди хотят говорить по-белорусски» // Светлана Алексиевич на Свабодзе. (Бібліятэка Свабоды. XXI стагодзьдзе). Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода, 2016. 744 с.
62. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. Учеб. пособие по спецкурсу. М.: Изд-во МПУ, 1993. 125 с.
63. Местергази Е.Г. Документальное начало в литературе // Теоретико-литературные итоги XX века. Т.1. М.: Наука, 2003. С. 134–160.
64. Налетов А.Д. Оценка // Российская социологическая энциклопедия, М., 1998. 672 с.
65. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики. М.: Прогресс, 1978. 480 с.
66. Окороков А.В., Перепелкин Л.С. Почем человек? Размышления о книге Светланы Алексиевич «Время секунд хэнд» // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 3 (15). С. 87–93.
67. Осипов Г.В. Социологический энциклопедический словарь. М., 1998, 488 с.
68. Побережных И.В. Ценностные доминанты в дискурсе С. А. Алексиевич (на материале книги "Время секунд хэнд") // Материалы 55-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2017: Языкознание / Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. С. 55–57.
69. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 189 с.

70. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
71. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2004. с. 294
72. Сайни С. «Чернобыльская молитва: хроника будущего» С. Алексиевич. Проблема жанра // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2013. № 2 (10). С 17–23.
73. Санаева И.В. Аксиологический аспект языковой картины мира в романе Л. Н. Толстого «Война и Мир»: дихотомия «добро-зло: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Калининград, 2007. 188 с.
74. Свиридова А.А. Светлана Алексиевич: «Страдания больше, чем нефти» [Электронный ресурс]. 2016 URL: [goo.gl/adVхох](http://goo.gl/adVхох) (дата обращения: 20.04.2018).
75. Серебренникова Е.Ф. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов. М.: Тезаурус, 2011. 352 с.
76. Сивакова Н.А. Цикл Светланы Алексиевич «Голоса Утопии»: особенности жанровой модели // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. № 1 (82). Гомель: Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины. 2014. С. 148–151.
77. Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. М.: Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Миснк: Панпринт, 1998. 1064 с.
78. Сокуров А. «Иди и сторожи в себе человека» Расшифровка беседы Александра Сокурова и Светланы Алексиевич [Электронный ресурс]. URL: [goo.gl/dH8LMC](http://goo.gl/dH8LMC) (дата обращения: 20.04.2018).
79. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

80. Стерин И.А. Коммуникативное поведение в составе национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 97–112.
81. Строганова А. Светлана Алексиевич: «Русский человек никогда не был свободным» [Электронный ресурс] // Интервью радиостанции RFI, 2013. URL: [goo.gl/27Uux3](http://goo.gl/27Uux3) (дата обращения: 20.04.2018)
82. Сутужко В.В. Феномен оценки в социальном бытии и познании: дис. ... д-ра филол. наук: 09.00.11. Саратов, 2012. 384 с.
83. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. М.: Наука, 1986. 143 с.
84. Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 46–50.
85. Федосюткина Н.С. Слова-ценности как средство доступа к ценностной картине мира: экспериментальное исследование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Курск, 2005. 160 с.
86. Философия: гносеология и аксиология: учебник для студентов вузов по направлению подготовки ВПО 47.03.01 (030100) "Философия" / В.В. Миронов, А.В. Иванов. М.: ИНФРА-М, 2015. 334 с.
87. Харченко В.К., Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова. «Русский язык в школе», 1976. № 3. С. 66–70.
88. Хомская Е.Д. Мозг и эмоции: нейропсихологическое исследование. М.: Рос. пед. агенство, 1998. 266 с.
89. Цветкова А.А. Концепт «миссия» в индивидуально-авторском религиозном дискурсе русского и немецкого языков (на материале сочинений И.И. Сергиева-Кронштадтского и Й. Х. Вихерна): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Калининград, 2015. 354 с.
90. Чернова М.А. Роль оценочной лексики в исследовании ценностной картины мира // МНИЖ. 2013. № 4–2 (11). С. 94–97.

91. Шабаета Т. Писать расчётливо навзрыд [Электронный ресурс]. 2013. URL: <http://lgz.ru/article/-39-6432-02-10-2013/pisat-raschyetlivo-navzryd/> (дата обращения: 20.05.2018)

92. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1987. 208 с.

93. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

94. Шмидт Г. Философский словарь. М.: Республика, 2003. 576 с.



Федеральное государственное автономное образовательное учреждение  
высшего образования  
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации  
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации  
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой РЯЛиРК

И.В. Евсева

« \_\_\_\_\_ 2018 г.



БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ОЦЕНКИ В ДИСКУРСЕ  
С.А. АЛЕКСИЕВИЧ**

Выпускник

И.В. Побережных

Научный руководитель

д-р филол. наук,  
проф. О.В. Фельде

Нормоконтролер

А.А. Чуруксаева

Красноярск 2018